

Научная статья

УДК 16 + 17 + 11 + 21 + 51-7 + 512

DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-5-38

**Удивительная аналогия между самопротиворечием в алгебре
формальной логики и самоуничтожением
в алгебре формальной аксиологии
(уточнение дефиниций основных понятий
алгебраической системы метафизики
как формальной аксиологии)**

Владимир Олегович Лобовиков

*Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Россия*

vlobovikov@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8760-0452>

Аннотация

Предмет статьи – аналогия между алгебраической системой формальной логики и алгебраической системой формальной аксиологии. Цель – уточнение некоторых ранее опубликованных формулировок упомянутой системы и прояснение взаимоотношения между похожими, но различными понятиями «формально-логическое противоречие» и «формально-аксиологическое противоречие». Даны исправленные дефиниции ряда базовых терминов; установлена фундаментальная аналогия между алгебраической системой формальной логики и алгебраической системой метафизики как формальной аксиологии. Особое внимание уделено неожиданной аналогии между статусом самопротиворечия в алгебре формальной логики и статусом самоуничтожения (самоубийства) в алгебре формальной аксиологии: «самоубийство в ответ на то, что (по мнению самоубийцы) неприемлемо» есть формально-аксиологический аналог «формально-логического доказательства сведением противного к абсурду».

Ключевые слова

аналогия; двузначная алгебраическая система формальной логики; двузначная алгебраическая система метафизики как формальной аксиологии; формально-логическое противоречие; формально-аксиологическое противоречие

Для цитирования

Лобовиков В. О. Удивительная аналогия между самопротиворечием в алгебре формальной логики и самоуничтожением в алгебре формальной аксиологии (Уточнение дефиниций основных понятий алгебраической системы метафизики как формальной аксиологии) // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 3. С. 5–38. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-5-38

© Лобовиков В. О., 2024

A surprising analogy between self-contradiction in the algebra of formal logic and self-termination in the algebra of formal axiology (explicating definitions of basic notions of algebraic system of metaphysics as formal axiology)

Vladimir O. Lobovikov

*Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia*

vlbovikov@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8760-0452>

Abstract

The paper aims to reveal an analogy between the algebraic system of formal logic and the algebraic system of formal axiology. Our aim is to correct some previously published formulations of the mentioned system and clarify interconnections between similar but different notions of “formal-logical-contradiction” and “formal-axiological-contradiction”. Corrected definitions of several basic notions are given; a fundamental analogy is established between the algebraic system of formal logic and the algebraic system of metaphysics as formal axiology. Special attention is paid to an unexpected analogy between the role of self-contradiction in the algebra of formal logic and the role of self-termination (suicide) in the algebra of formal axiology. “Self-annihilation in response to what is unacceptable (from the suicide viewpoint)” is a formal-axiological analogue of “the formal-logical proof by reducing the contrary to absurdity”.

Keywords

analogy; two-valued-system-of-formal-logic; two-valued-system-of-metaphysics-as-formal-axiology; formal-logical-contradiction; formal-axiological-contradiction

For citation

Lobovikov V. O. A Surprising Analogy between Self-Contradiction in Algebra of Formal Logic and Self-Termination in Algebra of Formal Axiology (Explicating Definitions of Basic Notions of Algebraic System of Metaphysics as Formal Axiology). *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no. 2, p. 5–38 (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-5-38

Согласно Л. Витгенштейну, в (этом) мире ценностей нет [Витгенштейн, 1958, с. 94, 95]; под (этим) миром он понимал мир *физических* явлений – тотальность фактов и только фактов. Следовательно, если ценности есть, то они есть не в физическом, а в метафизическом мире, являющемся собственным предметом не физики, а метафизики. Этика и эстетика трансцендентальны [Витгенштейн, 1958, с. 95]. В сущности, объекты метафизики являются необходимо *аксиологическими*, т.е. *необходимо* имеют *ценностный* аспект.

Именно поэтому обсуждаемая в настоящей статье дискретная математическая модель метафизики является алгебраической системой формальной *аксиологии* – абстрактной теории любых *ценностей* вообще (формальная этика и формальная эстетика – ее важные *частные* случаи). Дефиниции основных понятий двузначной алгебраической системы метафизики как формальной аксиологии уже были неоднократно опубликованы ранее, например, в работах [Лобовиков, 2015а, с. 88–94; Lobovikov, 2022а, р. 76–81; 2022b, р. 175–178]. Однако было замечено, что эти уже опубликованные формулировки определений недостаточно точны, вызывают ощущение логической несогласованности терминов; иногда такая терминологическая неаккуратность ведет к ошибкам. В связи с этим одна из важ-

ных целей данной статьи – устранить замеченную существенную неточность дефиниций, найдя для них подходящую (лишенную упомянутых недостатков) замену. Поэтому начнем настоящую статью с формулировки новых (существенно более точных) дефиниций абстрактных понятий, необходимых для построения дискретной математической модели метафизики как системы любых *ценностей* вообще (отвлеченных от их конкретного содержания), в том числе и любых «*абсолютных ценностей*», особенно волновавших Л. Витгенштейна [1958], Б. Рассела [Russell 1986], Дж. Э. Мура [1984], М. Шлика [2008], А. Дж. Айера [2010], К. Поппера [1983], и других мыслителей, так или иначе приближенных к антиметафизическому кредо Венского кружка.

По определению, двузначная алгебраическая система метафизики как формальной аксиологии есть тройка множеств $\langle \Phi, O, R \rangle$, в которой символ Φ обозначает непустое (даже потенциально бесконечное) множество всех таких и только таких объектов (существующих или несуществующих – неважно), которые являются либо хорошими, либо плохими с точки зрения некоего *оценщика* (субъекта оценивания) Σ (индивидуального или коллективного, естественного или искусственного – неважно). Очевидно, что Σ – *переменная*: изменение ее значений может приводить к изменению оценок конкретных элементов множества Φ . Однако если значение переменной Σ определено (зафиксировано), то оценки конкретных элементов множества Φ оказываются вполне определенными. Элементы множества Φ будем называть *формально-аксиологическими объектами* метафизики (или просто *объектами метафизики*) независимо от их бытия или небытия. Символы «х (хорошо)» и «п (плохо)» обозначают *абстрактные аксиологические (ценностные) значения* элементов множества Φ . Моральные поступки, или юридические акты, или лица (индивидуальные или коллективные, естественные или искусственные – неважно) суть *конкретные примеры* (частные случаи) элементов множества Φ .

В тройке множеств $\langle \Phi, O, R \rangle$ символ O обозначает множество всех *n-арных алгебраических операций* (или просто *операций*), определенных на множестве Φ . Элементы множества O называются *формально-аксиологическими операциями* двузначной алгебры метафизики (как формальной аксиологии). В двузначной алгебраической системе формальной аксиологии $\langle \Phi, O, R \rangle$ определенные на множестве Φ *n-арные алгебраические операции* являются такими и только такими *функциями*, которые ставят в однозначное соответствие каждой упорядоченной n -ке элементов множества Φ некоторый элемент множества Φ , называемый результатом применения упомянутой n -арной алгебраической операции к упомянутой упорядоченной n -ке элементов множества Φ . Иначе говоря, определенная на множестве Φ *n-арная (алгебраическая) операция* есть *n-местная функция* $f: \Phi^n \rightarrow \Phi$.

Определим теперь (в упомянутой выше тройке множеств) значение символа R . В этой тройке множеств символ R обозначает множество всех *n-местных формально-аксиологических отношений*, определенных на множестве Φ . Например, определенное ниже бинарное отношение «*формально-аксиологическая эквивалентность* (элементов множества Φ)» принадлежит множеству R . Определенное ниже бинарное отношение «элемент... множества Φ *формально-аксио-*

логически следует из элемента... множества Φ » также принадлежит множеству R . Поскольку все три множества Φ , O , R не являются пустыми, постольку, согласно общепринятому в современной математике точному определению понятия «алгебраическая система», обсуждаемая в настоящей статье тройка $\langle \Phi, O, R \rangle$ представляет собой *алгебраическую систему* в *собственно математическом* значении термина [Мальцев, 1970].

Результаты алгебраических операций, определенных на множестве Φ , суть элементы множества Φ , следовательно, по определению множества Φ , они или хороши, или плохи (с точки зрения Σ). Между аксиологическими (ценностными) значениями – x (хорошо) или p (плохо) – тех элементов множества Φ , к которым применена формально-аксиологическая алгебраическая операция, определенная на множестве Φ , и аксиологическим значением (x или p) результата этой операции существует *ценностно-функциональная* связь. Ценностное значение (x или p) результата определенной на Φ алгебраической операции есть значение некой *ценностной функции*, допустимыми значениями переменных которой являются аксиологические значения (x или p) тех элементов множества Φ , к которым применена упомянутая алгебраическая операция.

По определению, чисто *ценностной функцией* называется такая и только такая функция, у которой областью допустимых значений ее переменных является двухэлементное множество $\{x$ (хорошо), p (плохо) $\}$, и областью (изменения) значений этой функции является то же самое двухэлементное множество. Иначе говоря, при рассуждениях о чисто ценностных функциях имеются в виду следующие отображения: $\{x, p\} \rightarrow \{x, p\}$, если разговор идет о функциях, детерминированных *одним* ценностным аргументом; $\{x, p\} \times \{x, p\} \rightarrow \{x, p\}$, если разговор идет о функциях, детерминированных *двумя* ценностными аргументами (здесь « \times » обозначает Декартово произведение множеств); $\{x, p\}^N \rightarrow \{x, p\}$, если разговор идет о функциях, детерминированных N ценностными аргументами (здесь N обозначает некое конечное положительное целое число).

Теперь рассмотрим конкретные примеры элементарных алгебраических операций (элементов множества O) и соответствующих им ценностных функций. Начнем с рассмотрения определенных на Φ алгебраических операций (и соответствующих им ценностных функций), детерминированных *одним* аргументом.

Глоссарий для следующей ниже табл. 1. Символ Ra обозначает определенную на Φ унарную алгебраическую операцию и соответствующую ей ценностную функцию «*сопротивление, противодействие* (чему, кому) a ». Символ Va – определенную на Φ унарную алгебраическую операцию и соответствующую ей ценностную функцию «*протест против* (чего, кого) a ». Символ Ca – «*участие, соучастие в* (чем) a ». Na – «*небытие* (чего, кого) a ». Ba – «*бытие, существование* (чего, кого) a ». Aa – «*абсолютное бытие* (чего, кого) a ». Ya – «*абсолютное небытие* (чего, кого) a ». Oa – «*отрицательная оценка, осуждение, отвержение, неприятие* (чего, кого) a ». Pa – «*положительная оценка, одобрение, принятие* (чего, кого) a ». Ma – «*материя, материальность* (чего, кого, чья) a ». Da – «*материя, материал для* (чего, кого) a ». Ia – «*изменение, движение, развитие* (чего, кого) a ».

Глоссарий для следующей ниже табл. 2. Ja – «*изменение* (чем, кем) a » или «*измена* (кого, чья) a ». Xa – «*измена* (чего, кого, чья) a *самому себе*». Ya – «*верность*

(чего, кого, чья) *a* самому себе». Wa – «внутренняя противоречивость (чего, кого) *a*». Qa – «внутренняя непротиворечивость (чего, кого) *a*». Za – «пра-материя, т.е. первая материя, (чего, кого) *a*». $\odot a$ – «формально-аксиологическое противоречие (что) *a*». Sa – «самопротиворечие (чего, кого) *a*». Ta – «разрушение, уничтожение, исчезновение, аннигиляция (чего, кого) *a*». Ca – «саморазрушение, самоуничтожение, самоубийство (чего, кого) *a*». Ja – «защита, сохранение, спасение (чего, кого) *a*». Ψa – «самозащита, самосохранение (чего, кого) *a*». Ra – «родной, дорогой, близкий, свой для (чего, кого) *a*». Ua – «несогласие с (чем, кем) *a*» или «отказ, отречение, отделение, отдаление, отталкивание от (чего, кого) *a*». Одноместные ценностные функции, с помощью которых «вычисляются» аксиологические значения упомянутых выше результатов унарных алгебраических операций (определенных на Φ), точно определяются табл. 1 и 2.

Для исключения возможных недоразумений целесообразно сделать следующее разъяснение к таблицам. Чисто ценностные функции в них применяются не к элементам из Φ , а к *ценностным значениям* элементов из Φ , т.е. к значениям функций от Φ к $\{x, p\}$. Если обозначить функции от Φ к $\{x, p\}$ символом \surd , то, например, $\surd a, \surd b, \surd Pa, \surd Ob, \surd K_2ab, \surd A_2ab, \surd U_2ab$ суть элементы множества $\{x, p\}$, в то время как $a, b, Pa, Ob, K_2ab, A_2ab, U_2ab$ суть элементы множества Φ . Иначе говоря, символ \surd обозначает функцию $f: \Phi \rightarrow \{x, p\}$. Поэтому, например, $\surd Ra$ есть значение композиции функций \surd и R .

Таблица 1. Одноместные ценностные функции

$\surd a$	$\surd Ra$	$\surd Va$	$\surd Ca$	$\surd Na$	$\surd Ba$	$\surd Aa$	$\surd Ya$	$\surd Oa$	$\surd Pa$	$\surd Ma$	$\surd Da$	$\surd Ia$
х	п	п	х	п	х	х	н	п	х	п	х	п
п	х	х	п	х	п	х	н	х	п	х	п	х

Таблица 2. Унарные ценностные функции

$\surd a$	$\surd Ja$	$\surd Xa$	$\surd Ya$	$\surd Wa$	$\surd Qa$	$\surd Za$	$\surd \odot a$	$\surd Sa$	$\surd Ta$	$\surd Ca$	$\surd \Psi a$	$\surd Pa$	$\surd Ua$
х	х	п	х	п	х	п	п	п	п	п	х	х	п
п	п	п	х	х	п	п	п	п	х	п	х	п	х

Глоссарий для следующей ниже табл. 3. La – «любовь к (чему, кому) *a*». Na – «ненависть к (чему, кому) *a*». Ea – «неверность, измена (чему, кому) *a*», или «предательство (чего, кого) *a*». Ca – «оппозиция, противоположность, противоречие (чему, кому) *a*» или «конфликт, противоречие с (чем, кем) *a*». Ga – «Бог (чего, кого) *a* во вселенской (универсальной) монотеистической религии». Da – «Дьявол, т.е. анти-Бог или враг Бога (чего, кого) *a* во вселенской (универсальной) монотеистической религии». Fa – «свобода от (чего, кого) *a*». La – «свобода для (чего, кого) *a*» или «свобода (чего, кого, чья) *a*». $\textcircled{F}a$ – «абсолютно неограниченная свобода, т.е. произвол, в отношении (чего, кого) *a*». $\textcircled{C}a$ – «свобода морального выбора (чего, кого) *a*». Ea – «разрешение, позволение, дозволенность, допустимость, право (чего, кого) *a*». $\textcircled{V}a$ – «вера в (кого, или во что) *a*», или «уверенность в (чем, ком) *a*».

Таблица 3. Ценностные функции, детерминированные одним аргументом

\sqrt{a}	\sqrt{La}	\sqrt{Ha}	$\sqrt{\Delta a}$	$\sqrt{\Gamma a}$	\sqrt{Ga}	\sqrt{Da}	\sqrt{Fa}	\sqrt{La}	$\sqrt{\circ Fa}$	$\sqrt{\circ Ca}$	\sqrt{Ea}	$\sqrt{\varnothing a}$
х	х	п	п	п	х	п	п	х	п	х	х	х
п	п	х	х	х	х	п	х	п	п	х	п	п

Глоссарий для следующей ниже табл. 4. Ga – «государство позитивное (чего, кого, чье) a ». Ja – «общество гражданское (чего, кого, чье) a ». Ta – «власть (чего, кого, чья) a ». Ba – «власть, господство, доминирование над (чем, кем) a ». $\oint a$ – «позитивный закон, норма, приказ для (чего, кого) a ». $\otimes a$ – «создание, творение, производство (чего, кого) a ». $\#a$ – «ограничение, определение (чего, кого) a ». $\ast a$ – «исполнение, осуществление, реализация (чего, кого) a ». Ua – «суд над (чем, кем) a ». Ca – «собственность на (что, кого) a ». Δa – «собственность (чего, кого, чья) a ». Ka – «принадлежность (чего, кого) a ». ϵa – «принадлежность (чему, кому) a ».

Таблица 4. Ценностные функции, зависящие от одного аргумента

\sqrt{a}	\sqrt{Ga}	\sqrt{Ja}	\sqrt{Ta}	\sqrt{Ba}	$\sqrt{\oint a}$	$\sqrt{\otimes a}$	$\sqrt{\#a}$	$\sqrt{\ast a}$	\sqrt{Ua}	\sqrt{Ca}	$\sqrt{\Delta a}$	\sqrt{Ka}	$\sqrt{\epsilon a}$
х	х	х	х	п	п	х	п	х	п	п	х	п	х
п	п	п	п	х	х	п	х	п	х	х	п	х	п

В связи с данным выше (в табл. 4) определением ценностного значения унарной операции «производство», обозначенной в настоящей статье символом \otimes , мы должны обратить внимание на досадную смысловую *опечатку*, допущенную в табличном определении ценностного значения операции «производство» в статье [Лобовиков, 2023б, с. 10]. Эта операция обозначена в указанной статье другим символом, а именно «П». Согласно *адекватному* определению, ценностное значение функции «производство, создание (чего, кого) a » и ценностное значение ее аргумента совпадают. Верное (адекватное) определение ценностного значения унарной операции «производство (творение, создание, построение, генерирование)» было неоднократно опубликовано автором ранее, например, в [Лобовиков, 2015б, с. 132; Lobovikov, 2012, p. 179; 2016, p. 548; 2023а, p. 63].

Для исключения возможных недоразумений целесообразно обратить внимание на то, что помещенные выше табл. 1–4 не являются *чисто* ценностными (иначе «столбиков» было бы значительно меньше). В этих («смешанных») таблицах одновременно представлены, во-первых, функции $\Phi^n \rightarrow \Phi$, во-вторых, функции от Φ к $\{x, p\}$ (обозначаемые символом « $\sqrt{}$ ») и, в-третьих, ценностные функции $\{x, p\} \rightarrow \{x, p\}$, с помощью которых «вычисляются» ценностные значения упомянутых (в первой сверху строке) результатов унарных алгебраических операций (определенных на Φ). Иначе говоря, n -арная (алгебраическая) операция, определенная на множестве Φ , т.е. n -местная функция $f: \Phi^n \rightarrow \Phi$ и ценностная функция $\{x, p\} \rightarrow \{x, p\}$ суть две качественно различные функции. Они связаны друг с другом и поэтому представлены в одной («смешанной») таблице (разными строками), но их неосторожное отождествление ведет к противоречиям.

Так, например, некоторые из рецензентов обычно писали по поводу таблиц, определяющих ценностные значения результатов определенных на Φ *унарных алгебраических операций*, что вызывает недоумение тот факт, что число «столбиков» в этих таблицах у автора значительно больше, чем 4, в то время как в *двузначной алгебре ценностей* существует *точно 4 математически различные ценностные функции* (не больше и не меньше). Уважаемые рецензенты совершенно правы: с точки зрения *чистой математики*, в алгебре формальной аксиологии, рассматривающей два и только два ценностных значения (элементов из Φ), а именно x и p , имеется ровно 4 *математически различные ценностные функции*: две из них представляют *положительные* или *отрицательные* ценностные функции-константы, являющиеся инверсиями друг друга; две другие из них представляют ценностные функции, являющиеся инверсиями друг друга, но не являющиеся константами.

Число «столбиков» в табл. 1–4 больше четырех потому, что в них наряду с чисто ценностными функциями (которых ровно 4) в первой (сверху) строке упоминаются еще и n -арные (*алгебраические*) операции, т.е. n -местные функции $f: \Phi^n \rightarrow \Phi$. Поскольку число элементов непустого множества Φ (а также и непустого множества O) конечно, но потенциально бесконечно, постольку количество «столбиков» в табл. 1–4 можно изменять как угодно в соответствии с изменением области приложения математического аппарата (двузначной алгебраической системы метафизики как формальной аксиологии).

Данная статья посвящена *не чистой математике, а прикладной*. Областью приложения аппарата дискретной математики является в настоящей статье метафизика как формальная аксиология. Такое психологически неожиданное *приложение* математики является *качественно новым*, почти не исследованным, но представляющим теоретический интерес для метафизики, аксиологии, этики, эстетики, теории естественного права, а также для других собственно *ценностных* дисциплин, могущих стать областями *приложения* математики. Но бесспорно, что с точки зрения *чистой математики* в *двузначной булевой алгебре* метафизики как формальной аксиологии нет ничего нового: *двузначная булева алгебра* как *абстрактная математическая структура* известна с середины XIX века.

Вообще говоря, алгебра Буля как *собственно математическая* структура, т.е. дистрибутивная решетка с дополнениями, имеет потенциально бесконечное множество *качественно различных интерпретаций* – областей *приложения* (освобожденного от каких бы то ни было конкретных интерпретаций, т.е. *чисто математического аппарата*) этой алгебры; в частности, наряду с алгеброй классической логики, это еще и алгебра *множеств*, и алгебра *событий* в теории вероятностей [Владимиров, 1969], и алгебра *электротехнических устройств*. Впервые осознанная П. Эрэнфестом в самом начале XX века удивительная *аналогия* между собственно логическими (мыслительными) и электротехническими (материальными) системами была, как это часто бывает, проигнорирована его современниками и длительное время оставалась без должного внимания. Однако ни опубликованная в 1910 году пророческая догадка П. Эрэнфеста, ни последующие электротехнические интерпретации булевой алгебры В.И. Шестаковым, К. Шенноном и А. Накашимой [Бирюков, Борисова, Левин, 2009] не представляли

никакой научной новизны в *чистой* математике, но зато они отличались психологически неожиданной и стратегически важной для человечества *научной новизной* для математики *прикладной*. В отличие от упомянутых выше широко известных и очень важных *качественно различных интерпретаций* – областей приложения (свободного от любых интерпретаций) *собственно математического аппарата* булевой алгебры, предложенная несколько десятилетий назад двузначная булева алгебра *формальной аксиологии* (булева алгебра *ценностей*) почти неизвестна, поэтому вышеупомянутые критические замечания рецензентов и читателей возникают вполне естественно.

В связи с этим для разъяснения представленных в данной статье абстрактных дефиниций целесообразно обратить особое внимание на следующее: исследуя в течение нескольких десятилетий *качественно различные приложения* двузначной булевой алгебры *формальной аксиологии*, автор рассмотрел уже *несколько сотен* качественно различных (с точки зрения областей приложения) унарных формально-аксиологических операций этой алгебры (принадлежащих множеству O). Но ценностное значение (x или π) результата каждой из этих многочисленных алгебраических операций (являющихся элементами множества O) однозначно детерминировано с помощью какой-то одной и только одной из *четырех* вышеупомянутых *математически различных ценностных функций*, могущих быть определенными таблично. Каким бы большим не оказалось *обусловленное областью приложения* множество рассматриваемых алгебраических операций, все они разделяются на ровно четыре (непересекающихся) *класса формально-аксиологической эквивалентности* (в их отношении к ценностным функциям, с помощью которых определяется ценностное значение результатов этих алгебраических операций).

Аналогичное разъяснение целесообразно сделать и в отношении к функциям, зависящим от двух аргументов. В двузначной булевой алгебре *формальной аксиологии* существует ровно 16 *чисто математически различных двуместных ценностных функций*. Однако с точки зрения некой *конкретной области приложения* может быть целесообразно рассмотреть некое более мощное множество (принадлежащих множеству O) качественно различных (с точки зрения этой конкретной области) *двуместных формально-аксиологических (алгебраических) операций*, т.е. функций, определенных на множестве Φ и имеющих в качестве своих значений какие-то элементы Φ . Поскольку понятия «*n*-местная ценностная функция» и «*n*-местная функция, являющаяся принадлежащей множеству O формально-аксиологической (алгебраической) операцией над элементами множества Φ », качественно различны, постольку, вообще говоря, множества, являющиеся объемами указанных двух различных понятий не являются равносильными. Это естественным образом объясняет кажущееся странным, но вполне закономерное несовпадение числа 4 и суммы чисел «столбцов» приведенных выше табл. 1–4. Аналогичным образом объясняется и тот кажущийся странным факт, что во многих наших публикациях по двузначной булевой алгебре метафизики как *формальной аксиологии* сумма чисел «столбцов» тех ценностных таблиц, которые точно определяют ценностно-функциональный аспект *бинарных формально-аксиологических операций* двузначной алгебры метафизики (принадлежащих множеству O),

часто оказывается или меньше, или значительно больше 16. Именно такой случай и имеет место в представленной ниже таблице, точно определяющей соответствующие функции, детерминированные двумя аргументами.

Глоссарий для помещенной ниже табл. 5. Символ B_2ab обозначает (принадлежащую множеству O) бинарную формально-аксиологическую операцию «бытие (чего, кого) b без (чего, кого) a ». D_2ab обозначает (принадлежащую множеству O) бинарную формально-аксиологическую операцию «разделение (чего, кого) a и (чего, кого) b , т.е. их бытие порознь». N_2ab – «объединение небытия (чего, кого) a и небытия (чего, кого) b ». K_2ab – «объединение (чего, кого) a и (чего, кого) b , т.е. их бытие вместе» или «бытие (чего, кого) b (вместе) с (чем, кем) a ». C_2ab – «бытие (чего, кого) b в (чем, ком) a », т.е. «существование (чего, кого) b внутри (чего, кого) a ». \checkmark_2ab – «противоречие, противоположность, оппозиция, сопротивление (чего, кого) b (чему, кому) a ». T_2ab – «разрушение, уничтожение, убийство (чего, кого) a (чем, кем) b ». X_2ab – «спасение, сохранение, защита (чего, кого) a (чем, кем) b ». W_2ab – «война (чего, кого) b с (чем, кем) a ». Те из вышеперечисленных двуместных ценностных функций, которые устанавливают соответствие каждой упорядоченной паре ценностных значений элементов a и b из Φ , одного и только одного ценностного значения результата применения некой алгебраической операции (из O) к элементам a и b (из Φ), определяются в табл. 5.

Таблица 5. Функции, детерминированные двумя аргументами

\sqrt{a}	\sqrt{b}	$\sqrt{B_2ab}$	$\sqrt{D_2ab}$	$\sqrt{N_2ab}$	$\sqrt{K_2ab}$	$\sqrt{C_2ab}$	$\sqrt{\checkmark_2ab}$	$\sqrt{T_2ab}$	$\sqrt{X_2ab}$	$\sqrt{W_2ab}$
х	х	п	п	п	х	х	п	п	х	п
х	п	п	х	п	п	п	п	п	х	п
п	х	х	х	п	п	х	х	х	п	х
п	п	п	х	х	п	х	п	п	х	п

Глоссарий для помещенной ниже табл. 6. Φ_2ab – «война всех против всех (bellum omnium contra omnes), т.е. объединение (войны всякого a со всяким b) и войны (всякого b со всяким a)». (Именно Φ_2ab имел в виду автор «Левиафана», когда рассуждал об «естественном состоянии войны всех против всех», представляющем собой «естественное право всех на все» [Гоббс, 1965а, с. 292, 293, 307; 1965б, с. 152, 154, 156].) L_2ab – «любовь (чего, кого, чья) b к (чему, кому) a ». H_2ab – «ненависть, враждебность (чего, кого, чья) b к (чему, кому) a ». R_2ab – «реализация (чего, кого) b в ответ на a », например, «совершение поступка b в ответ на совершение поступка a ». V_2ab – «верность (чего, кого) b (чему, кому) a ». I_2ab – «измена, т.е. неверность, (чего, кого) b (чему, кому) a » или «предательство (чего, кого) a (чем, кем) b ». O_2ab – «отделение, отпадение, отказ (чего, кого) b от (чего, кого) a ». B_2ab – «бытие (чего, кого) b без (чего, кого) a ». D_2ab – «осуществление (чего, кого) b ради (или для) a ».

Таблица 6. Функции, зависящие от двух аргументов

\sqrt{a}	\sqrt{b}	$\sqrt{\Phi_2 ab}$	$\sqrt{L_2 ab}$	$\sqrt{H_2 ab}$	$R_2 ab$	$\sqrt{B_2 ab}$	$\sqrt{I_2 ab}$	$\sqrt{O_2 ab}$	$\sqrt{B_2 ab}$	$\sqrt{D_2 ab}$
х	х	п	х	п	х	х	п	п	п	х
х	п	п	х	п	п	х	п	п	п	п
п	х	п	п	х	х	п	х	х	х	х
п	п	п	х	п	х	х	п	п	п	х

Глоссарий для помещенной ниже табл. 7. $F_2 ab$ – «свобода (чего, кого) b от (чего, кого) a ». $\epsilon_2 ab$ – «принадлежность (чего, кого) a (чему, кому) b ». $P_2 ab$ – «власть, господство, доминирование (чего, кого) b над (чем, кем) a ». $\mathcal{E}_2 ab$ – «собственность (чего, кого, чья) b на (что, кого) a ». Uab – «суд над (чем, кем) a (чего, кого, чей) b ». $\mathcal{J}_2 ab$ – «позитивный закон, норма, приказ (чего, кого, чей) b для (чего, кого) a ». $E_2 ab$ – «отождествление, эквивалентность, совпадение, неразличимость моральной ценности (чего, кого) a и (чего, кого) b ». $U_2 ab$ – «исключающий моральный выбор между (чем, кем) a и (чем, кем) b », т.е. (1) реализация хорошего и воздержание от плохого, если a и b имеют противоположные моральные значения; (2) реализация более хорошего и воздержание от менее хорошего, если и a и b имеют моральное значение «хороший»; (3) реализация менее плохого и воздержание от более плохого, если и a и b имеют моральное значение «плохой»; (4) реализация любого одного и только одного произвольно выбранного либо a либо b , если количественного различия их одинакового морального значения нет». $A_2 ab$ – «не-исключающий моральный выбор между (чем, кем) a и (чем, кем) b ». Точнее говоря, $A_2 ab$ есть: (1) реализация $K_2 ab$, т.е. реализация (чего, кого) b вместе с реализацией (чего, кого) a , если и a и b , имеют моральное значение «хороший»; (2) реализация $U_2 ab$, если a и b имеют качественно различные моральные значения; (3) реализация $U_2 ab$, если и a и b имеют моральное значение «плохой».

Таблица 7. Функции от двух переменных

\sqrt{a}	\sqrt{b}	$\sqrt{F_2 ab}$	$\sqrt{\epsilon_2 ab}$	$\sqrt{P_2 ab}$	$\sqrt{\mathcal{E}_2 ab}$	$\sqrt{U_2 ab}$	$\sqrt{\mathcal{J}_2 ab}$	$\sqrt{E_2 ab}$	$\sqrt{U_2 ab}$	$\sqrt{A_2 ab}$
х	х	п	п	п	п	п	п	х	п	х
х	п	п	п	п	п	п	п	п	х	х
п	х	х	х	х	х	х	х	п	х	х
п	п	п	п	п	п	п	п	х	п	п

Определение DF-1 отношения эквивалентности на множестве Φ (объектов метафизики): результаты принадлежащих множеству O (определенных на множестве Φ) алгебраических операций Ω и Δ (являющихся функциями $\Phi^n \rightarrow \Phi$) называются *формально-аксиологически эквивалентными*, если и только если они (результаты операций Ω и Δ) принимают одинаковые ценностные значения из множества $\{x$ (хорошо); p (плохо) $\}$ при любой возможной комбинации ценностных значений (x или p) тех переменных объектов из Φ , от которых зависят

результаты операций Ω и Δ . Иначе говоря, результат операции Ω *формально-аксиологически эквивалентен* результату операции Δ , если и только если для любых a_1, \dots, a_n , $\sqrt{\Omega(a_1, \dots, a_n)} = \sqrt{\Delta(a_1, \dots, a_n)}$, т.е. ценностное значение принадлежащего множеству Φ результату операции $\Omega(a_1, \dots, a_n)$ тождественно ценностному значению принадлежащего множеству Φ результату операции $\Delta(a_1, \dots, a_n)$. Отношение *формально-аксиологической эквивалентности* результатов операций Ω и Δ обозначается символом « $=+=$ ».

Определенное на множестве Φ отношение *формально-аксиологической эквивалентности* ($=+=$) разбивает множество Φ на *непересекающиеся* подмножества, называемые « $(=+=)$ -классами эквивалентности». Например, сколь угодно большое (потенциально бесконечное) непустое множество результатов определенных на Φ *унарных* операций (принадлежащих множеству O) разбивается в двузначной алгебраической системе $\langle \Phi, O, R \rangle$ на четыре « $(=+=)$ -класса эквивалентности», а сколь угодно большое (потенциально бесконечное) непустое множество результатов определенных на Φ *бинарных* операций (принадлежащих множеству O) разбивается в двузначной алгебраической системе $\langle \Phi, O, R \rangle$ на 16 « $(=+=)$ -классов эквивалентности». Например, определенные в табл. 1 результаты *унарных* алгебраических операций $Чa, Va, Pa$ принадлежат одному и тому же « $(=+=)$ -классу эквивалентности». В свою очередь, определенные в табл. 5 результаты *бинарных* алгебраических операций $B_2ab, W_2ab, Ч_2ab, T_2ab$ принадлежат тоже одному и тому же « $(=+=)$ -классу эквивалентности». Каким бы большим (например, насчитывающим несколько десятков или даже сотен элементов) ни был некий « $(=+=)$ -класс эквивалентности, все его элементы *формально-аксиологически эквивалентны* друг другу.

Определение DF-2: законом (алгебры) формальной аксиологии является любой такой и только такой результат принадлежащей множеству O (определенной на множестве Φ) алгебраической операции Ω (являющейся функцией $\Phi^n \rightarrow \Phi$), который принимает значение «хорошо» при любой возможной комбинации ценностных значений (x или p) тех переменных, от которых зависит результат операции Ω . Иначе говоря, закон метафизики или, что то же самое, закон формальной аксиологии есть такой и только такой (формально-аксиологический) *объект метафизики* (элемент множества Φ), ценностное значение которого есть значение ценностной функции-константы, неизменно принимающей значение «хорошо». Будем обозначать закон двузначной алгебры формальной аксиологии (метафизики) символом @.

Определение DF-3: формально-аксиологическим противоречием в двузначной алгебре формальной аксиологии является любой такой, и только такой результат принадлежащей множеству O (определенной на множестве Φ) алгебраической операции Ω (являющейся функцией $\Phi^n \rightarrow \Phi$), который принимает значение «плохо» при любой возможной комбинации ценностных значений (x или p) тех переменных, от которых зависит результат операции Ω . Иначе говоря, формально-аксиологическое противоречие есть такой и только такой (формально-аксиологический) *объект метафизики* (элемент множества Φ), ценностное значение которого есть значение ценностной функции-константы, неизменно принимающей значение «плохо». Будем обозначать *формально-аксиологическое противоречие* (в двузначной алгебре метафизики) символом ©.

Определение DF-4 отношения (формально-аксиологического) следования на множестве Φ (объектов метафизики). Для любых принадлежащих множеству O (определенных на множестве Φ) алгебраических операций Ω и Δ (являющихся функциями $\Phi^n \rightarrow \Phi$) верно по определению, что принадлежащий множеству Φ результат операции Δ есть *формально-аксиологическое следствие* принадлежащего множеству Φ результата операции Ω , если и только если $C_2\Omega(a_1, \dots, a_n)\Delta(a_1, \dots, a_n)=+=@$. (Ценностно-функциональное значение символа « C_2 » определено в табл. 5.)

Определению *отношения (формально-аксиологического) следования* уделяется в данной работе особое внимание: дефиниция *DF-4* рассматривается (иллюстрируется) на конкретных содержательных примерах. Поскольку число букв в алфавитах русского и английского языков конечно, и они в данной статье уже использованы, постольку для увеличения выразительных возможностей нашего искусственного языка добавим в его алфавит буквы с верхним числовым индексом 1 и договоримся, что буква с таким индексом и та же самая буква без верхнего числового индекса 1 суть разные буквы.

Пусть символ L^1a обозначает «безнадежно несчастную половую любовь (кого) a »; символ Γ^1a – «чрезмерно большую непоправимую неудачу в исполнении долга, например, честного воина или честного финансиста a »; символ U^1a – «унизительно беспомощное, жалкое состояние, например крайнюю нищету, лишаящую (кого) a человеческого достоинства»; символ J^1a – «абсолютно безнадежное состояние тела больного a , сопровождающееся непрерывной нестерпимой болью»; B^1a – «бесчестие, дурная слава и позор изнасилованной девушки, например, в традиционных юго-восточных социокультурных системах»; \exists^1a – «абсолютная бессмысленность бытия (кого) a ».

Поскольку $C_2R_2L^1aT_2aaOL^1a=+=@$, постольку *метафизика* половой любви свидетельствует (на языке своей дискретной математической модели) о том, что нередкое совершение суицида «влюбленными истинно, но абсолютно безнадежно» – отнюдь не чистый вымысел поэтов, а печальная реальность отчетов полиции. Напомним, что здесь T_2aa обозначает самоубийство человека a ; в свою очередь, $R_2L^1aT_2aa$ обозначает совершение (кем) a самоубийства *в ответ на* свою безнадежно несчастную половую любовь (значение T_2aa определяется по табл. 5). Принадлежащим множеству Φ *формально-аксиологическим следствием* принадлежащего множеству Φ результата определенной на Φ бинарной операции $R_2L^1aT_2aa$ (*самоубийство a в ответ на L^1a*), является принадлежащий множеству Φ результат определенной на Φ унарной операции OL^1a – «отрицательная оценка, осуждение, отвержение, неприятие, отречение, отказ от (чего) L^1a ».

Поскольку Γ^1a , U^1a , J^1a , B^1a , \exists^1a *формально-аксиологически эквивалентны* L^1a , то, подставляя их по очереди вместо L^1a в $C_2R_2L^1aT_2aaOL^1a=+=@$ и опираясь на свое собственное знание жизни (личный опыт), образование и фантазию, читатель может самостоятельно сгенерировать дополнительные конкретные примеры из истории реальной человеческой жизни разных культур и слоев общества, убедительно демонстрирующие, что отношение формально-аксиологического следования одних (необходимо имеющих ценностный аспект) объектов метафизики из других действительно существует (в рамках собственно метафизического

аспекта реальности), и даже не зная о его существовании (и не веря в него), люди *подсознательно* принимают его во внимание и систематически используют в своей обычной повседневной жизни, о чем неумолимо свидетельствует печальная статистика самоубийств. В нормальном социуме доведенные до конца акты суицида – исключение из статистического правила (большинство до этого не доходит), но незавершенных попыток суицида значительно больше, а более или менее серьезных размышлений о проблеме «быть или не быть?», становящихся более или менее актуальными в особенно трудные (тяжелые) периоды или критические моменты жизни, субъект свободной моральной деятельности вряд ли может избежать.

Почему для *собственно теоретической* этики, которая, по мнению некоторых позитивистов, *трансцендентальна, сверхъестественна, трансцендентна* [Витгенштейн, 1958, с. 95; 2009, с. 131, 133, 135], являются экзистенциально важными такие абстрактные объекты как «самоубийство» и «запрет самоубийства» [Витгенштейн, 2009, с. 149], а для *собственно теоретической* философии вообще – *отрицательная метафизическая константа* «самоуничтожение»? На уровне *чисто эмпирического* познания изучаются отношения между чувственно воспринимаемыми объектами реального мира (например, *чисто эмпирический* уровень этики систематически обсуждают Д. Юм, М. Шлик, А. Айер, К. Поппер и их единомышленники), а на уровне *собственно теоретического* познания изучаются *отношения между абстрактными объектами*. Если *абстрактных объектов* теории нет, как нет и ее *собственных законов*, то нет и теории (например, этической теории) как таковой, а есть лишь ее иллюзия. Именно это послужило, на наш взгляд, глубинным основанием серьезного концептуального конфликта, описанного в [Эдмондс, Айдиноу, 2004], внешне выглядевшего как психологически странная личная ссора между эксцентричным Л. Витгенштейном и язвительно критичным К. Поппером в связи с обсуждением одного из принципиально важных вопросов этики, которая для первого, согласно «Трактату», есть *трансцендентальная* собственно теоретическая дисциплина (если она есть), а для второго – *чисто эмпирическая*.

В (достаточно развитых) теориях *необходимо* существуют некие *константы*. В математике это, например, число π и число e . В теоретической физике это, например, c (скорость света) и h (постоянная Планка). В теоретической логике это – «тождественно истинно (=закон формальной логики)» и «тождественно ложно (=формально-логическое противоречие)». А каковы константы *собственно теоретической* этики и *собственно теоретической* философии (=метафизики)? По нашему мнению, константами для *собственно теоретической* этики являются «тождественно хорошо (=закон формальной этики)» и «тождественно плохо (=формально-аксиологическое противоречие)». Рассмотрим конкретный пример. Согласно глоссарию для табл. 6, символ V_2ab обозначает «верность (чего, кого) b (чему, кому) a ». В том *частном* случае, когда a и b совпадают, согласно табл. 6, V_2bb (верность b самому себе) есть закон формальной этики, а NV_2bb – (неверность b самому себе, т.е. измена b самому себе) есть формально-аксиологическое противоречие [Лобовиков, 1984, с. 113–119].

В свете вышесказанного очевидно, что отнюдь не случайно в «Гамлете» Шекспира во время нравоучительной беседы с Лаэртом Полоний провозглашает *вер-*

ность самому себе в качестве наивысшего нравственного императива – универсального принципа метафизики морали, а именно:

«... Всего превыше: верен будь себе.
Тогда, как утро следует за ночью,
Последует за этим верность всем»¹.

О каком следовании говорит здесь Полоний? Следование утра за ночью есть следование одного физического события за другим в пространстве и времени. Но «верность себе» и «верность всем» не являются физическими явлениями: здесь нет причинно-следственной связи. Использованное Полонием слово «как» указывает на то, что он *уподобляет* одно следование другому, но *подобие (сходство) есть не тождество, а аналогия*. Назовем следование утра за ночью «следованием № 1», а следование верности всем из верности себе – «следованием № 2». Очевидно, что слово «следование» используется Полонием в двух качественно различных значениях, между которыми есть некоторое *сходство* (подобие). Для естественного языка это отнюдь не новость. Прецедент уже существует: следование одних мыслей из других в логике тоже не является следованием одних физических событий за другими в пространстве и времени. Логическое следование не является причинно-следственным отношением.

Допустить в качестве гипотезы, что, говоря о «следовании № 2», Полоний имел в виду собственно логическое следование (назовем его «следованием № 3»), тоже нельзя, так как представители логического позитивизма (например, М. Шлик, Б. Рассел, Л. Витгенштейн, А. Дж. Айер)отреагируют на такую гипотезу решительным протестом, заявив, что выражения «верен будь себе» и «верность всем» бессмысленны, т.е. не имеют семантического значения (в мире *опыта*); они не выражают истинные или ложные высказывания о мире как тотальности фактов и только фактов, поэтому применять к таким выражениям логику, строго говоря, неуместно. Но тогда о каком «следовании» говорил Полоний? По нашему мнению, сам того не осознавая, Полоний говорил о *формально-аксиологическом следовании*² одних *ценностных* объектов (в данном конкретном случае *поступков*) из других. В сущности, «следование № 2» есть не что иное как *метафизическое следование* одних *аксиологических объектов метафизики* из других. В конкретном частном случае Полония, «следование № 2» есть *формально-этическое следование* одних (морально-правовых) *поступков* из других, а именно, по мнению Полония, из верности самому себе *формально-этически следует* верность всем. Но что значит «верность всем»? Если имеется в виду верность абсолютно всем, включая врагов и даже дьявола, то это абсурд (формально-аксиологическое противоречие). Судя по контексту, под «верностью всем» Полоний подразумевал «верность всем *своим* (включая *своего* Бога)». Если так, то, согласно обсуждаемой алгебраической системе формальной этики, Полоний совершенно прав, так как: $C_2B_2aaB_2Paa=+=@$; $C_2B_2aaB_2Gaa=+=@$.

¹ Шекспир У. Гамлет, принц Датский. Ижевск: Удмуртия, 1981. С. 29.

² Точная дефиниция *формально-аксиологического следования* дана выше в настоящей статье с помощью определения DF-4.

Согласно вышесказанному, мудрый Полоний, сам того не осознавая, вполне адекватно выразил в естественном языке некий основополагающий закон *двузначной алгебры формальной этики*, а именно, «закон верности себе» – *формально-этический аналог* «собственно логического закона тождества», или «закон небытия формально-аксиологического самопротиворечия поведения» – *формально-этический аналог* «собственно логического закона непротиворечия» [Лобовиков, 1984, с. 113–119].

Согласно данным выше определениям, $Ca=+=T_2aa=+=Xa=+=NB_2aa=+=\odot$: *самоубийство есть измена (неверность) самому себе*, являющаяся *отрицательной константой* для собственно теоретической этики. Более того, поскольку $Ra=+=a$, постольку (1) $V_2aa=+=V_2Paa$: *верность самому себе эквивалентна верности своим* (родным, дорогим, близким, друзьям, и вообще всем являющимся *своими*) для a ; (2) $X_2aa=+=X_2Paa$: – «*самосохранение, самозащита* (чего, кого) a эквивалентна спасению, сохранению, защите своих (родных, дорогих, близких, друзей и вообще всех являющихся *своими*) для a . Поэтому, будучи изменой (неверностью) самому себе, самоубийство есть также еще и акт совершаемого самоубийцей *предательства* всех его родных (детей, родителей и др.), друзей и вообще *всех своих* для a . (Во многих морально-правовых культурах существует кредо «своих не бросаю»; а самоубийца это кредо нарушает.) В реальной практической деятельности медицинских, полицейских и педагогических учреждений, а также в рамках социального института семьи, такого типа рассуждения систематически используются в профилактических беседах с потенциальными самоубийцами или лицами, пытавшимися совершить суицид, но по каким-то причинам не доведшими дело до конца. Любопытно, что сформулированная выше *алгебраическая система формальной этики* удивительно хорошо соответствует фактически широко используемым морально-психологическим средствам реальной практической деятельности субъектов (как индивидуальных, так и коллективных), занимающихся профилактикой самоубийств.

Одним из институтов, занимающихся такой деятельностью, является церковь, ведущая разъяснительную работу среди верующих [Augustine, 1994, p. 176–184], стремящаяся убедить их в том, что:

«Каждый отвечает за свою жизнь перед Богом, давшим ее. Бог остается ее абсолютным Владыкой. Мы должны с благодарностью принимать ее и защищать ее в честь Бога и ради спасения наших душ. Мы – только управляющие, но не хозяева жизни, которую Бог доверил нам. Мы не можем распоряжаться ею. Самоубийство противоречит естественной склонности человека сохранять и продолжать свою жизнь. Оно глубоко противоречит законной любви к себе. Оно оскорбляет любовь к ближнему, ибо несправедливо разрывает связи солидарности с семейным, национальным и человеческим обществом, по отношению к которому у всех нас есть обязательства. Самоубийство противоречит любви к Богу ...»³.

С точки зрения тех позитивистов, которые уважают, знают и систематически используют логику, но уверены в семантической бессмысленности этических,

³ Катехизис Католической Церкви, Глава 2, 2280–2281 // Католическая Община Покрова Пресвятой Богородицы Царицы Святого Розария [Электронный ресурс] URL: <https://catholic.tomsk.ru/catechism/0322.htm#s5p1a6> (дата обращения: 29.05.2024)

метафизических и богословских текстов, предложение «Самоубийство есть противоречие любви к Богу» не имеет значения: оно ничего не утверждает, не является истинной или ложной пропозицией. По нашему мнению, эти позитивисты упускают из виду то, что наряду с формально-логической (дескриптивно-индикативной) семантикой естественный язык обладает еще и формально-аксиологической семантикой: слова и словосочетания естественного языка могут иметь *ценностно-функциональные значения*. Некоторые ценностно-функциональные значения суть ценностные функции-константы. Ценностным значением слова «самоубийство» является *отрицательная* ценностная функция-константа, а ценностным значением слова «Бог» является *положительная* ценностная функция-константа. Ценностное значение словосочетания «любовь к...» есть такая (не являющаяся константой) одноместная ценностная функция, аксиологическое значение которой тождественно аксиологическому значению ее аргумента. Поэтому та композиция ценностных функций, которая является формально-аксиологическим значением словосочетания «любовь к Богу», есть *положительная* ценностная функция-константа. Ценностное значение (рассматриваемого в соответствующем падеже) слова «противоречие (чему, кому)...» есть такая (не являющаяся константой) одноместная ценностная функция, аксиологическое значение которой *противоположно* аксиологическому значению ее аргумента. Вот почему та композиция ценностных функций, которая является формально-аксиологическим значением словосочетания «противоречие (чему) любви к Богу», есть *отрицательная* ценностная функция-константа. Итак, получается, что «самоубийство» находится в отношении « $=+ =$ » с «противоречием (чему) любви к Богу».

Если принять во внимание, что слово «есть» имеет в естественном языке не одно, а много *качественно разных* значений и, в частности, может обозначать отношение « $=+ =$ », то следствием вышесказанного является предложение «Самоубийство есть противоречие (чему) любви к Богу». Вопреки позитивистам, это предложение выражает семантически осмысленную пропозицию: оно истинно. Истинность этой пропозиции обосновывается в обычной (традиционной) *позитивной* теологии очень трудоемкими и сложными содержательными рассуждениями и многочисленными ссылками на священные тексты и канонизированные комментарии к ним. А в современной *естественной* теологии, систематически использующей двузначную алгебраическую систему метафизики как формальной аксиологии, истинность (легко и быстро получаемой «на кончике пера») пропозиции «Самоубийство есть противоречие (чему) любви к Богу» ($Ca = + = \neg LGa$) устанавливается аккуратным «вычислением» соответствующих ценностных функций и их композиций.

Очень важно, что аккуратность такого «вычисления» может легко и быстро проверить любой человек, свободно владеющий указанным математическим аппаратом. Аналогичным образом, на уровне предложенной дискретной математической модели естественной теологии, путем аккуратного «вычисления» соответствующих композиций ценностных функций демонстрируется (и при желании тщательно перепроверяется кем угодно), что: ($C_2 ECaEb = + = @$) – «Если самоубийство дозволено, тогда все дозволено»; ($C_2 NEbNECa = + = @$) – «Если что-то не дозволено, тогда самоубийство не дозволено» [Витгенштейн, 1958, с. 149]; ($Ca = + = \neg Ga$):

самоубийство есть измена Богу, неверность Ему, предательство Его. Для того чтобы убедиться в сказанном, *нет необходимости* в многочисленных ссылках на религиозные авторитеты и священные тексты, а также в обращении к «религиозному опыту» и «мистической интуиции»; вполне достаточно применить метод, который можно было бы назвать «вычислительной теологией». Г. В. Лейбниц любил говорить в таких удивительных случаях: “*Calculemus!*” т.е. «*Давайте посчитаем!*» [1984, с. 496–497].

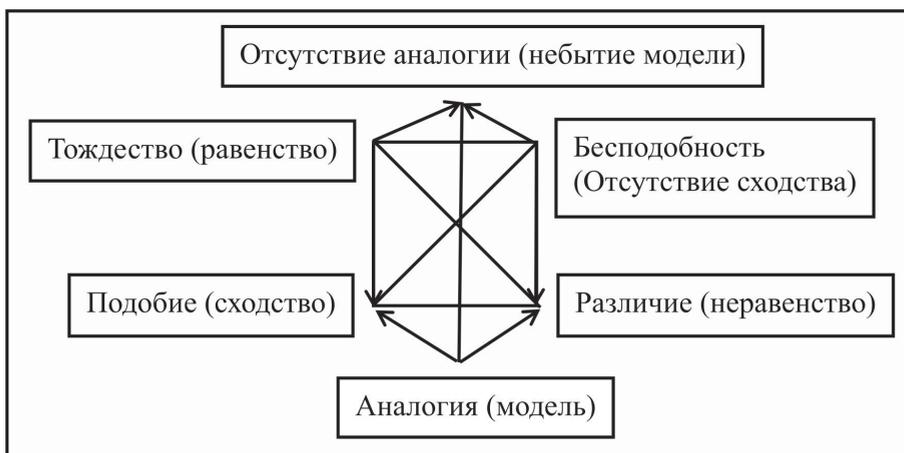
По нашему мнению, *формальная этика, естественное право, естественная теология, а также метафизика как абстрактная формальная аксиология вообще* представляют собой *качественно новую* нетривиальную интерпретацию булевой алгебры по сравнению с ее *собственно логической* интерпретацией. Иногда нежелание признать *нетривиальную научную новизну* результатов приложения *собственно (чисто) математического* аппарата булевой алгебры к *формальной этике* (и к *метафизике как абстрактной формальной аксиологии вообще*) аргументируется тем, что якобы имеет место просто приложение давно известной булевой алгебры *формальной логики* к *этике* (или к *метафизике*), а ничего качественно нового при этом не создается.

По нашему мнению, существенно *аналогичная* ситуация имела место в первой половине XX века в связи с булевой алгеброй *формальной логики* и электротехникой: подавляющее большинство исследователей говорило и писало о «*приложении булевой алгебры формальной логики к электротехническим системам*»: речь шла о «логическом анализе релейно-контактных схем», но, строго говоря, *собственно логический* анализ применим лишь по отношению к адекватно выраженным в языке истинным или ложным мыслям (высказываниям) и отношениям между ними. Строго говоря, вполне *материальные* релейно-контактные электросхемы истинными или ложными *мыслями* (высказываниями) не являются, следовательно, «формально-логический анализ и синтез релейно-контактных схем» – не более чем красивая *метафора*, которую *нельзя понимать буквально*, но которая является вполне адекватным выражением некоей удивительной (эвристически очень важной) и в практическом отношении стратегически значимой для человечества *аналогии*. Лишь некоторые ученые (например, С.А. Яновская) вполне осознавали (и намекали или робко замечали), что, строго говоря, речь идет не о непосредственном применении *собственно логики*, а о непосредственном применении *собственно математики*, а именно – аппарата *чистой* булевой алгебры, свободной от какой бы то ни было конкретной интерпретации (в том числе и от *собственно логической*) к *техническим* системам, которые (в отличие от истинных или ложных *мыслей*) не идеальны, а материальны.

Подобно тому как впервые гениально замеченная в 1910 г. П. Эренфестом *аналогия* между формально-логическими и электротехническими системами, независимо переоткрытая и развитая в дальнейшем В.И. Шестаковым, К. Шенноном и А. Накашимой, была первоначально рассмотрена и длительное время воспринималась как не более чем особая разновидность логики, или ее (логики) практически значимых непосредственных приложений, впервые предложенная несколько десятилетий назад (в самом начале 70-х годов прошлого века) булева *алгебра формальной этики* (хороших или плохих *поступков*) и затем ее фунда-

ментальное обобщение – булева алгебра *метафизики как абстрактной формальной аксиологии вообще* были восприняты и, к сожалению, продолжают восприниматься подавляющим большинством как не более чем особая разновидность логики или ее (логики) практически значимых непосредственных приложений.

В основе такого, строго говоря, ошибочного, восприятия лежит впечатляющая *аналогия* между булевой алгеброй формальной логики и булевой алгеброй формальной этики – двумя *качественно различными* интерпретациями (областями приложения) *чисто (собственно) математического* аппарата булевой алгебры (свободного от каких бы то ни было конкретных интерпретаций). Допустимо ли утверждать, что эти две интерпретации (формально-логическая и формально-этическая) суть одно и то же (что во второй нет ничего нового по сравнению с первой), т.е. *по аналогии* переходить от признания удивительного *сходства* к утверждению *тождества*? Насколько правомерен такой *перенос по аналогии* с точки зрения *общей методологии и логики науки*? Не является ли он грубой логико-методологической ошибкой? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно прояснить взаимоотношения между следующими понятиями: «тождество»; «различие»; «сходство (подобие)»; «аналогия (аналогичность)»; «модель (аналог)». Для наглядного представления системы логических отношений между упомянутыми понятиями можно с успехом использовать впервые предложенный (изобретенный) Ж.-И. Безье [Béziau, 2015] квадрат (и включающий его в себя гексагон) концептуальной оппозиции, помещенный ниже на рисунке.

Изобретенные Ж.-И. Безье логические квадрат и гексагон, моделирующие систему логических отношений между понятиями «тождество», «различие», «сходство (подобие)», «модель (аналог)»

J.-Y. Béziau's interpretation of the logical square and hexagon that models the system of logical relations between the concepts of "identity", "difference", "similarity", "model (analogue)"

Напомним, что линии, пересекающие квадрат, моделируют отношение контрдикторности, верхняя горизонтальная линия моделирует отношение контрапности, а нижняя горизонтальная линия – отношение субконтрарности. Стрелки

моделируют отношение подчинения (логического следования). Все общеизвестные (из курса традиционной формальной логики) логические правила для отношений контрадикторности, контрарности, субконтрарности и подчинения имеют силу и для представленного на рисунке гексагона Ж.-И. Безье, удачно, на наш взгляд, визуализирующего логический аспект абстрактного понятия «аналогия (модель)». То, что из тождества логически следует сходство (подобие), но из подобия (сходства) логически не следует тождество, объясняется тем, что отношение тождества рефлексивно, симметрично и транзитивно, т.е. является отношением эквивалентности, а сходство (подобие) отношением эквивалентности не является, так как рефлексивно, симметрично, но не транзитивно.

Представленная на рисунке графическая модель является эффективным средством прояснения, уточнения и разрешения проблемы, обсуждаемой в данной статье. Проблема возникает потому, что без достаточных на то оснований, обнаружив удивительное *подобие (сходство)* двузначной формальной логики и двузначной формальной аксиологии, переходят к утверждению, что они *идентичны (тождественны)*, совершая тем самым грубую логическую ошибку. Этот логически некорректный дискурс, напоминая жульническую «игру в наперстки», нарушает то правило логического квадрата, которое регламентирует логические отношения между подчиняющим и подчиненным суждениями, а именно, если есть *тождество*, то есть *сходство (подобие)*, но из того, что есть *сходство (подобие)*, не следует логически, что есть *тождество*.

Согласно рисунку, удивительная *аналогия (модель)* есть конъюнкция (1) удивительного *сходства (подобия)* и (2) качественного *различия*. Если существенного различия модели от оригинала нет, то это уже не модель. В обсуждаемом нами конкретном случае качественное *различие* аналогов проявляется, например, в том, что формально-логически противоречивое осуществить невозможно, а формально-аксиологически противоречивое осуществить возможно. Печальные акты самоуничтожения формально-аксиологически противоречивы, но реализуемы, в то время как исполнение формально-аксиологических законов (например, закона самосохранения или закона верности самому себе) нередко требует значительных ресурсов и усилий, а не осуществляется само собой автоматически (как тавтология в логике).

В настоящей статье для предотвращения логико-лингвистических недоразумений, в частности для разрушения парадоксов, могущих возникнуть в процессе применения обсуждаемой алгебраической системы к конкретному материалу, необходимо сформулировать следующий логико-лингвистический *принцип разделения суждений о сущем и суждений о ценности*, именуемый правилом A&B:

(A) из $(\alpha = + = \omega)$ не следует логически, что $([\alpha] \leftrightarrow [\omega])$;

(B) из $([\alpha] \leftrightarrow [\omega])$ не следует логически, что $(\alpha = + = \omega)$.

В данной формулировке правила A&B, символы α и ω обозначают некие (любые) элементы того множества Φ , на котором построена обсуждаемая алгебраическая система. В отличие от элементов множества Φ , т.е. или хороших, или плохих объектов метафизики, обозначенных в правиле A&B символами α и ω , символы $[\alpha]$ и $[\omega]$ в этом правиле обозначают или истинные, или ложные высказывания *о сущем*, утверждающие, соответственно, что «метафизический объект α суще-

стует (реализован)» и «метафизический объект ω существует (реализован)». Вот почему объединение высказываний $[\alpha]$ и $[\omega]$ с помощью логической операции « \leftrightarrow » вполне осмысленно.

Теперь целесообразно проиллюстрировать абстрактную формулировку правила A&V какими-нибудь конкретными примерами и продемонстрировать на них способность правила A&V эффективно разрушать психологические иллюзии логико-лингвистических парадоксов. Для перехода к конкретным примерам перейдем от A&V к A*&V* путем (1) подстановки NB_2bb (неверность b самому себе) вместо α и (2) подстановки T_2bb (суицид b) вместо ω .

Выше уже было замечено, что суицид и измена себе (а также всем своим) формально-этически эквивалентны (они принадлежат одному и тому же классу $=+ =$ -эквивалентности). Но из суждения, фиксирующего факт совершенной субъектом b измены себе (а также всем своим), логически не следует суждение, фиксирующее факт самоубийства субъекта b . Рассмотрим конкретный пример: в чрезвычайной обстановке военного времени гражданин b совершил измену своему государству в форме шпионажа и был казнен за это по решению суда, установившего факт измены, но факта суицида гражданина b в таком случае нет: самоубийство субъекта b не существует, так как его умерщвление было исполнено не им самим (и весьма вероятно, вопреки его желанию). Еще один конкретный пример такого рода – личная история Иосифа Флавия, имевшая место во времена описанных им войн Рима с Иудеями.

Итак, может быть истинно, что $NB_2bb = + = T_2bb$, но ложно условное суждение $([NB_2bb] \supset [T_2bb])$: «Если существует неверность (измена) субъекта b себе, то существует самоубийство субъекта b ». Кроме того, может быть истинно, что $NB_2bb = + = T_2bb$, но ложно условное суждение $([T_2bb] \supset [NB_2bb])$: «Если имеет место факт самоубийства субъекта b , то имеет место факт совершенной субъектом b измены себе». В некотором конкретном случае может быть так, что факт самоубийства субъекта b есть, но факта измены себе нет. В некоторых житиях христианских мучениц утверждение факта их самоубийства истинно, а утверждение факта неверности (измены) упомянутых христианских мучениц самим себе и своему Богу ложно: фактически совершив суицид, эти мученицы фактически сохранили свою верность себе, Церкви и Богу.

С другой стороны, некоторые правочерные иудеи считают, что, фактически воздержавшись от самоубийства (в той конкретно-исторической ситуации), Иосиф Флавий – автор произведения «Иудейская война» – фактически совершил акт предательства самого себя, всех своих единоверцев и своего Бога; поэтому отношение к нему иудеев весьма неоднозначно.

Согласно Флавию, он вполне осознанно не присоединился к покончившим жизнь самоубийством многочисленным иудеям – защитникам крепости, в конце концов захваченной римлянами. Обдумав ситуацию, «взвесив все за и против», Иосиф сдался в плен и остался жив, следовательно, то, что самоубийства Флавия не было, – факт. Но из этого факта логически не следует, что Флавий сохранил верность своему народу и Богу. Итак, может быть истинно, что $NT_2bb = + = B_2bb$, но ложно условное суждение $([NT_2bb] \supset [B_2bb])$: «Если существует небытие самоубийства субъекта b , то существует верность субъекта b себе (и всем своим)».

Даже в наше время, хорошо зная историю, многие принципиальные иудеи относятся к Флавию как к изменнику. Это очень сложный и остро дискуссионный вопрос, существуют и иные (даже прямо противоположные) оценки поступка Флавия (использующие понятие «разумный компромисс»), но для прояснения содержательных оснований для принятия вышеупомянутого формального правила А&В важно то, что существуют такие принципиальные иудеи, которые вопреки многим своим соплеменникам искренне убеждены в том, что Флавий совершил морально-правовой акт *неверности* самому себе, своему народу и своему Богу. Таким образом, сформулированное выше правило А&В проиллюстрировано конкретными примерами из жизни, и его способность эффективно разрушать (или предотвращать) иллюзии парадоксов продемонстрирована.

«В Талмуде попытка самоубийства рассматривалась как преступление, подлежащее суду и наказанию. ...Из этого правила допускались исключения, например, при принуждении к идолопоклонству, incestу или убийству. К этой же исторической эпохе относятся случаи массовых самоубийств среди иудеев (73 н.э.) перед лицом угрозы обращения в другую веру: защитники крепостей Масада и Йотапата предпочли смерть сдаче римлянам. Через тысячу лет (1190) аналогично поступила иудейская община в Йорке, которой грозило насильственное крещение» [Суицидология, 2001, с. 14]. В такого рода исключительных ситуациях именно самоубийство считалось проявлением верности себе, всем действительно своим и своему Богу, а самосохранение Иосифа Флавия (его попадание в плен и мирное сосуществование с римлянами, даже сотрудничество с ними) считалось чудовищной изменой (предательством своего народа и Бога).

Разнообразные (нередко логически взаимоисключающие) религиозно-философские, атеистические и скептические рассуждения о суициде развивались с древних времен от Пифагора, Сократа, Платона, Аристотеля [1984, с. 169–171], Сенеки [1977], Августина Блаженного [Augustine, 1994, p. 176–184], Св. Фомы [Аквинский, 2012, с. 325, 326; 2013] и М. Монтеня до наших дней [Суицидология, 2001, с. 11, 12, 17, 18].

Аристотель рассматривал самоубийство как измену не столько самому себе, сколько своему государству. Например, в «Никомаховой этике» он писал: «...Кто в гневе поражает себя по своей воле, совершает это вопреки верному суждению, закон же этого не разрешает. Следовательно, [такой человек] поступает неправомерно. Но с кем? Может быть с государством, а не с самим собой? В самом деле, он страдает не по своей воле, а никто не терпит неправомерности по своей воле. Вот почему государство даже налагает взыскание на самоубийцу и своего рода бесчестие преследует его как человека, который неправомерно поступил по отношению к государству» [Аристотель, 1984, с. 169]. Отрицательное отношение Аристотеля к *самоубийству как к измене своему государству*, моделируется в обсуждаемой алгебраической системе уравнением $T_2aa=+=I_2Gaa=+=\odot$.

В своем фундаментальном труде «Сумма теологии» Фома Аквинский представил всесторонний морально-правовой (естественно-правовой), абстрактно-философский (собственно метафизический) и богословский (собственно теологический) анализ проблемы самоубийства. В связи с этим создается впечатление, что, рассуждая о нарушении самоубийцей естественного закона (или закона При-

роды), Св. Фома определяет понятие «естественный закон» точно так же, как Аристотель и знаменитые древнеримские юристы Ульпиан и Павел [Дигесты Юстиниана, 1984, с. 23, 25]. Однако, внимательно читая основополагающий труд Фомы Аквинского, можно заметить, что наряду с рецепцией древнеримской аксиологической трактовки *естественного права как того, чему Природа научила все живое, создав инстинкт (общебиологический закон-императив) самосохранения жизни* (в любой ее форме), Фома Аквинский смело *идет существенно дальше*, а именно, начиная с констатации общебиологического закона самосохранения, доходит затем до утверждения *значительно более общего* и абстрактного *собственно метафизического закона* (абсолютной ценности) *самосохранения любых субстанций*. Св. Фома пишет по этому поводу:

«Итак, порядок заповедей естественного закона соответствует порядку естественных склонностей. В самом деле, первая склонность человека к благу имеет место согласно той природе, в которой человек схож со всеми субстанциями, т.е. постольку, поскольку любая субстанция стремится сохранить свое бытие согласно своей природе. И согласно этой склонности, к естественному закону относится все то, что связано с сохранением человеческой жизни и препятствованием противоположному. – Во-вторых, человеку присуща склонность к кое-чему менее общему – в соответствии с природой, в которой он схож с другими животными. И согласно этому говорится, что к естественному закону относится *то, чему природа научила всех животных*, например, совокупление мужских и женских особей, обучение потомства и т.п. – В-третьих, человеку присуща особая склонность к благу сообразно природе его разума. Так, человек обладает естественной склонностью к познанию истины о Боге и к жизни в обществе. И согласно этому, к естественному закону относится все то, что связано с данной склонностью» [Аквинский, 2012, с. 325–326].

Основываясь на абстрактном *собственно метафизическом законе* (абсолютной ценности) *самосохранения любых субстанций*, в разделе 5 вопроса 64 во второй части второй части «Суммы теологии», отвечая на вопрос «Законно ли убить самого себя?», Фома Аквинский пишет:

«... В целом самоубийство является незаконным, и на то есть три причины. Первая – та, что все по природе любит себя, вследствие чего все по природе желает сохранить свое бытие и, насколько может, противится уничтожению. Поэтому самоубийство противно естественной склонности и той любви к Богу, посредством которой каждый человек должен любить самого себя. Следовательно, самоубийство, будучи противно естественному закону и любви к Богу, всегда является смертным грехом. Вторая – та, что любая часть как таковая принадлежит целому. Но любой человек является частью общества и как таковой принадлежит обществу. Поэтому, как говорит Философ, убивающий себя человек совершает неправомерный поступок по отношению к обществу. Третья – та, что жизнь – это Божий дар человеку и подчинена власти Того, Кто умерщвляет и оживляет. Следовательно, всякий, кто отнимает жизнь у самого себя, грешит против Бога (как грешит против хозяина раба тот, кто убивает чужого раба, и [как грешит] тот, кто судит о том, о чем он судить не вправе). В самом деле, одному только Богу дано ре-

шать, кому умереть, а кому – жить, согласно сказанному [в Писании]: «Я умерщвляю и оживляю» (Вт. 32, 39)» [Аквинский, 2013].

В указанном выше разделе «Суммы теологии» Фома Аквинский подробно анализирует всевозможные возражения против абсолютности отрицательной ценности самоубийства и абсолютности положительной ценности самосохранения. Против каждого из этих возможных возражений он формулирует свои возражения и подкрепляет их аргументами. Например, Св. Фома обращает внимание на следующее возможное: «*Возражение 2.* Далее, тот, кому доверена власть в обществе, вправе убивать преступников. Но тот, кому доверена власть в обществе, подчас сам бывает преступником. Следовательно, он может законно убить самого себя» [Аквинский, 2013]. Опровержение этого возражения осуществляется Св. Фомой так: «*Ответ на возражение 2.* Тот, кому доверена власть в обществе, вправе приговаривать преступника к смерти постольку, поскольку ему доверено производить суд. Но никто не может производить суд над самим собой. Поэтому власть предержавший не вправе приговаривать к смерти самого себя за грех, каким бы этот грех ни был, хотя он вправе предоставить себя на суд других» [Аквинский, 2013].

Удивительно, что в этом опровержении Св. Фома явно сформулировал *естественно-правовой принцип разделения судебной и исполнительной властей* задолго до знаменитых философов и юристов нового времени (Гоббс, 1965а, с. 334; 1965б, с. 182; Монтескье, 1999, с. 138–148]. Например, Т. Гоббс писал: «... указание естественного закона гласит: *никто не может быть судьей, или арбитром, в своем собственном деле*» [1965а, с. 334]. Но еще более удивительно, что этот *естественно-правовой принцип* (ставший впоследствии одним из важнейших принципов *позитивного конституционного права* во многих развитых странах) является *формально-аксиологическим законом* (положительной ценностной функцией-константой) в двузначной алгебре формальной аксиологии. На искусственном языке обсуждаемой алгебраической системы этот принцип представлен выражением $D_2 B^* a B U a = + = @$: разделение (власти исполнения a) и (власти суда над a) есть *формально-аксиологический закон*. Более того, согласно исследуемой алгебраической системе, $S a = + = U_2 a a = + = N D_2 B^* a B U a = + = ©$: самоубийство *формально-аксиологически равноценно* нарушению этого фундаментального закона *естественного права*. Кроме того,

$N U_2 a a = + = @$: для любого a , *небытие самосуда над* (чем, кем) a есть один из основополагающих принципов естественного права.

Выше в настоящей статье дефиниция отношения *формально-этического (формально-аксиологического) следования* одних поступков из других была рассмотрена на конкретном примере из «Гамлета». К этому можно добавить рассмотрение *формально-аксиологического следования* одних массовых действий (объектов метафизики морали) из других на конкретном примере учения Т. Гоббса о естественном (до-общественном) состоянии как войне всех против всех. Согласно Гоббсу, из войны всякого со всяким *следует*, что (в естественном состоянии) всем все дозволено (по отношению ко всем творится произвол); и обратное утверждение тоже верно, а именно, из того, что (в естественном состоянии) всем все дозволено, *следует* война всех против всех, так как все свободны от всех, всем принадлежит

всё, что угодно, и все всех ненавидят [19656, с. 305, 306]. На уровне обсуждаемой алгебраической системы это демонстрируется следующими уравнениями:

$$\begin{aligned} C_2K_2W_2abW_2baK_2^{\circ}Fa^{\circ}Fb=+=@; & C_2K_2^{\circ}Fa^{\circ}FbK_2W_2abW_2ba=+=@; \\ C_2K_2F_2abF_2baW_2abW_2ba=+=@; & C_2K_2F_2abF_2ba\epsilon_2ab\epsilon_2ba=+=@; \\ C_2K_2F_2abF_2baH_2abH_2ba=+=@. & \end{aligned}$$

Еще одним ярким конкретным примером *формально-аксиологического следования* одних массовых морально-правовых действий (объектов метафизики морали) из других является учение Ш.Л. де Монтескье о разделении законодательной, исполнительной и судебной властей [1999, с. 138–148].

Согласно данным выше определениям, уравнение $C_2ND_2\Upsilon Ua\Upsilon^{\circ}a^{\circ}Fa=+=@$ означает, что из отсутствия разделения судебной и исполнительной *властей формально-аксиологически следует* произвол, т.е. (согласно $^{\circ}Fa=+=N^{\circ}Ca$) отсутствие свободы морального выбора [Монтескье, 1999, с. 138].

Поскольку $K_2\Upsilon^{\circ}a^{\circ}a^{\circ}Fa=+=N^{\circ}Ca$, постольку из соединения законодательной и исполнительной властей *формально-аксиологически следует* произвол, т.е. небытие свободы морального выбора [Монтескье, 1999, с. 138; Локк, 1988, с. 339–361]. Именно поэтому «...законодательную и исполнительную власть надо разделять» (Локк, 1988, с. 247), что моделируется в алгебраической системе естественного права *формально-аксиологическим законом* $D_2\Upsilon^{\circ}a^{\circ}a^{\circ}Fa=+=@$.

Поскольку $ND_2\Upsilon Ua\Upsilon^{\circ}a^{\circ}Fa=+=N^{\circ}Ca$, постольку из отсутствия разделения судебной и законодательной властей *формально-аксиологически следует* произвол, т.е. отсутствие свободы морального выбора [Монтескье, 1999, с. 138].

Уравнение $C_2K_2\Upsilon Ua\Upsilon^{\circ}a^{\circ}N^{\circ}Ca=+=@$: означает, что из объединения судебной и исполнительной *властей формально-аксиологически следует* небытие свободы морального выбора, т.е. (согласно $N^{\circ}Ca=+=^{\circ}Fa$) произвол [Монтескье, 1999, с. 139].

Осознать и точно определить *формально-аксиологическую* сущность того *особого* (не логического) отношения *следования*, о котором идет речь в естественно-правовых сочинениях Гоббса и Монтескье, их авторы не могли, так как в то время еще не было ни булевой алгебры логики, ни осознания того, что математика как таковая абстрагируется от конкретной природы элементов тех множеств, которые она исследует и, значит, в принципе носителем некоей алгебраической системы может быть и такое множество, конкретная природа элементов которого является *ценностной*. Если «книга *природы* написана на языке математики» (эта фраза обычно ассоциируется с Г. Галилеем), то теория естественного права (т.е. права *природы*) должна быть необходимо математизированной. В настоящее время она математизированной не является. Более того, в настоящее время *теории* естественного права (как именно *теории*) просто нет, поэтому нет и ее преподавания (как именно *теории*). Эта отрасль знания, когда-то (например, во времена Г.В. Лейбница — дипломированного и остепененного юриста) считавшаяся интеллектуально respectable научной и учебной дисциплиной, находится сегодня в жалком состоянии, рассматривается как некий исторический курьез, поэтому только историки всерьез его и обсуждают.

Но ни историки права, ни юристы-позитивисты не могут создать современную (необходимо математизированную) *теорию* естественного права. Для такой

научной революции (смены парадигмы) у них отсутствуют не только необходимые желание и смелость, но также еще и необходимые специальные знания из-за отсутствия соответствующего профессионального образования. В начале XX века О. Шпенглер писал о необходимости такой (ориентирующейся на развитие математики) научной революции (решительной смены парадигмы) в научных исследованиях *теории* права (как собственно *теории*) и в ее преподавании будущим юристам [Spengler, 1928, p. 67, 82, 83]. На это, по мнению Шпенглера, человечество должно было потратить приблизительно сто лет. Упомянутое время прошло, но «воз и ныне там». Или Шпенглера очень невнимательно читали и не поняли, или поняли, но проигнорировали; так или иначе, предложенное (или предсказанное) им парадигмально значимое (гипотетическое) *качественное изменение* в теории права зашло в безнадежный тупик. Нетривиальная гипотеза Шпенглера (о необходимости приведения истории развития теории права в соответствие с историей развития математики) «зависла» в начале XX века и продолжает находиться в «подвешенном состоянии», так как в наше время выдающиеся юристы (всех стран и народов на этой планете) научными исследованиями, нацеленными на создание современной (математизированной) *теории* естественного права (как именно *теории*), не занимаются [Lobovikov, 2022a].

Ошибочно абсолютизируя пресловутое разделение наук на «науки о природе» и «науки о культуре», юристы последнего времени считают право «наукой о культуре», т.е. *чисто гуманитарной* дисциплиной (the humanities), которая принципиально несовместима с математикой как таковой; математика, по их мнению, уместна и плодотворна лишь в науках о природе. Но, по определению, естественное право есть право природы, следовательно, оно должно считаться «наукой о природе» и, следовательно, его математизация в принципе возможна и весьма перспективна. На это современные юристы-позитивисты, как правило, отвечают замечанием, что если так называемое «естественное право» и является «наукой о природе», то лишь по названию, а не по сути, так как *право есть вид культуры, а культура есть система норм и ценностей*; в природе же никаких норм и ценностей нет: природа аксиологически и деонтически нейтральна, безразлична. Однако такая позиция представителей юридического позитивизма противоречит классическому римскому праву; определяя понятие «естественное право», выдающийся древнеримский юрист Ульпиан писал:

«Изучающему право надо прежде всего узнать, откуда произошло слово «право» (ius). Право получило свое название от “правосудия” (iustitia), ибо, согласно превосходному определению Цельса, право есть наука о добром и справедливом. По заслугам нас называют жрецами, ибо мы заботимся о правосудии, возвещаем понятия доброго и справедливого, отделяя справедливое от несправедливого, <...> Естественное право (ius naturale) – это то, которому природа научила все живое...» [Дигесты Юстиниана, 1984, с. 23].

Другой выдающийся юрист древней Римской империи – Павел утверждал: «Слово “право” употребляется в нескольких смыслах: во-первых, “право” означает то, что всегда является справедливым и добрым – каково естественное право» [Дигесты Юстиниана, 1984, с. 25]. Современные юристы убеждены, что, поскольку «добро (хорошо)» и «зло (плохо)» суть *оценочные* понятия естественного пра-

ва (=метафизики морали), постольку математизация естественного права невозможна, так как «математика» и «добро» несовместимы в принципе. Убедительное опровержение этого, к сожалению, до сих пор господствующего *предрассудка* содержится в статье выдающегося англо-американского философа, логика и математика А. Н. Уайтхеда «Математика и добро» [Whitehead, 1941].

Возможность существования строго универсальных неизменных законов этики (как метафизики морали), и естественного права, представляющих собой некое «абсолютное добро», всегда была и остается в позитивизме под вопросом (риторическим): подразумевается, что таких законов нет и быть не может в принципе [Шлик, 2008; Витгенштейн, 1958; 2009; Айер, 2010, с. 147–172; Russell, 1986]. Но если никакой системы более или менее ясно сформулированных на многозначном естественном языке (и претендующих на универсальность и неизменность) законов естественного права нет, то что в таком случае уточнять и математически моделировать? Необходимым условием успешности (плодотворности) приложения математики к некоторой конкретной отрасли знания является достаточная зрелость (развитость) конкретного содержания этой отрасли знания: к моменту начала применения математических методов в ней должны уже существовать какие-то конкретные примеры хоть как-то сформулированных на многозначном естественном языке достаточно общих законов этой конкретной предметной области. В течение последнего времени на этой планете ученые проблемами естественного права, объявленного позитивистами метафизической химерой, не занимались. О какой достаточной зрелости (развитости) конкретного содержания отрасли знания, подлежащей математизации, может в таком случае идти речь?

Да, действительно, в последнее время научные исследования *естественного права как системы формально определенных законов* (именно этого права) не велись: во всех странах доминировал юридический позитивизм. Однако в так называемое «Новое Время» исследованием принципов *естественного права* занимались очень многие выдающиеся мыслители, в частности, Т. Гоббс, Дж. Локк и Ж.-Ж. Руссо, считавшие, что *самосохранение — основной закон естественного права* [Гоббс, 1965а, с. 279, 289, 298, 304–308; 1965б, с. 150, 151, 155; Локк, 1988, с. 36, 180, 206, 267, 276, 340, 341, 349, 361, 389; Руссо, 1998, с. 199–224]. В этом отношении взгляды Гоббса, Локка и Руссо были очень близки *естественно-правовым* воззрениям древнеримских юристов (Ульпиана и Павла), а также учению Фомы Аквинского о *самосохранении любых субстанций как основополагающем принципе метафизики природы вообще* (и природы человека, в частности). Локк считал *самосохранение* «основным священным и неизменным» естественным законом, ради исполнения которого люди вступили в общество [1988, с. 347]. Он писал:

«...свыше человеческих сил в такой степени покориться другому, чтобы дать ему свободу уничтожить себя; бог и природа никогда не разрешали человеку забываться в такой степени, чтобы пренебрегать самосохранением, и поскольку он не может сам лишиться себя жизни, то он не может дать такое право и другому» [Локк, 1988, с. 361].

В другом месте того же сочинения утверждается: «Обязательства закона природы не перестают существовать в обществе, но только во многих случаях они бо-

лее четко выражены, и в соответствии с человеческими законами им сопутствуют известные наказания, для того чтобы принуждать их соблюдать. Таким образом, закон природы выступает как вечное руководство для всех людей, для законодателей в такой же степени, как и для других. Те законы, которые они создают для направления действий других людей, должны, так же как и их собственные действия и действия других людей, соответствовать закону природы, т.е. божьей воле, проявлением которой он является; и так как *основным законом природы* является *сохранение человечества*, то никакая человеческая санкция не может быть благодетельной или обоснованной, если она тому противоречит» [Локк, 1988, с. 341].

Ж.-Ж. Руссо писал об основополагающем (самом главном) законе естественного права – законе самосохранения:

«Эта общая свобода есть следствие природы человека. Первый ее закон – самоохранение, ее первые заботы – те, которыми человек обязан самому себе, и как только он вступает в пору зрелости, он уже только сам должен судить о том, какие средства пригодны для его самосохранения, и так он становится сам себе хозяином» [Руссо, 1998, с. 199].

«Если Государство или Гражданская община – это не что иное, как условная личность, жизнь которой заключается в союзе ее членов, и если самой важной из забот ее является забота о самосохранении, то ей нужна сила всеобщая и побудительная, дабы двигать и управлять каждой частью наиболее удобным для целого способом» [Руссо, 1998, с. 220].

«Общественный договор имеет своей целью сохранение договаривающихся» [Руссо, 1998, с. 224].

За долгий период, начиная с античности и заканчивая так называемой «Золотой Эрой Естественного Права» (XVII и XVIII века), человечество накопило большое количество как «чисто научных» (схоластических) трактатов по праву природы и метафизике морали, так и учебников по курсам лекций о естественном праве для студентов юридических факультетов университетов. Все они (без исключения) были выполнены на известном своими недостатками чисто естественном языке, но нередко авторы предлагали в своих работах какие-то более или менее ясные формулировки каких-то более или менее общих принципов или законов естественного права или метафизики нравственности. И в дошедших до нас фрагментах сочинений языческих философов, и в религиозно-философских трудах средневековья, и в светской философской литературе нового времени накопилось большое количество «афоризмов», выражающих именно *ценностный* аспект морально-правовой культуры в виде неких достаточно общих принципов, претендующих на универсальность.

Вот почему, на наш взгляд, в настоящее время нельзя сказать, что система знаний об обсуждаемой конкретной предметной области пока еще недостаточно развита («не созрела») для того, чтобы стать объектом удачной (плодотворной) математизации. По нашему мнению, уже к концу так называемой «Золотой Эры Естественного Права» (XVII и XVIII века) метафизическая доктрина права природы уже «дозрела» для того, чтобы стать объектом успешной математизации; но, к сожалению, еще «недозревшей» для этого в ту эпоху была математика;

не было ни алгебры Буля, ни ее общеизвестных сегодня практически значимых нетривиальных интерпретаций, ни общего учения о *математике как системе абстрактных математических структур*, свободных (отвлеченных) от любой конкретной природы элементов исследуемых ею множеств. Поскольку в настоящее время математика уже вполне «созрела» для того, чтобы стать адекватным языком для написания и чтения «книги природы» права, а также эффективным методом для систематического развития *теории* естественного права (как *собственно теории*), ориентированного на возможные стратегически значимые практические приложения, то начать работу по систематическому уточнению и математизации естественного права как системы *формально определенных* универсальных законов можно (а по нашему мнению, даже нужно) уже сейчас.

На наш взгляд, дискретное математическое моделирование сформулированных на естественном языке систем морально-правовых ценностей можно начать с того, что уже есть в культурном наследии человечества, систематически используя гипотетико-дедуктивный метод и постепенно накапливая опыт конструирования дискретной математической модели системы формально определенных законов естественного права методом проб и ошибок. В настоящей статье эта установка реализуется на конкретном материале метафизики самоуничтожения вообще и морально-правовых проблем самоубийства в особенности. Взаимоотношение *ценностно-функциональных значений* слов «самоубийство», «свобода» и «общество» моделируется в исследуемой алгебраической системе следующими формально-аксиологическими «уравнениями». Справа от каждой из этих двух эквивалентностей (непосредственно после знака «двоеточие») даны их переводы на естественный язык.

$Ca=+=T_2aa=+=F_2Жаа=+=\odot$: самоубийство (чье) *a* есть освобождение (свобода) *a* от (общества *a*).

$C_2Жаа=+=NF_2Жаа=+=\@$: [бытие (чего, кого) *a* в обществе (чьем) *a*] есть небытие свободы (чьей) *a* от общества *a*.

Итак, общее категорически отрицательное отношение Аристотеля, Августина и Фомы Аквинского к самоубийству как неверности самому себе и всем своим (включая свое гражданское общество, свое позитивное государство и своего Бога) моделируется в обсуждаемой алгебраической системе следующими уравнениями.

$$L_2ab=+=B_2ab.$$

$$H_2ab=+=I_2ab.$$

$$Яb=+=L_2bb=+=L_2Pbb=+=L_2Жbb=+=L_2Гbb=+=L_2Gbb=+=\@.$$

$$Cb=+=Xb=+=I_2bb=+=I_2Pbb=+=I_2Жbb=+=I_2Гbb=+=I_2Gbb=+=\odot.$$

$$ГGb=+=D_2\Phi_2abГGb=+=E_2X_2aaX_2bb=+=\@.$$

$$\Phi_2ab=+=K_2W_2abW_2ba=+=K_2^{\circ}Fa^{\circ}Fb=+=\odot.$$

$$\epsilon_2bb=+=K_2LbFb=+=^{\circ}Fb=+=Cb=+=\odot.$$

$$^{\circ}Cb=+=F^{\circ}Fb=+=N^{\circ}Fb=+=N\epsilon_2bb=+=NCb=+=\@.$$

Однако в истории философии существует также и *качественно иное* отношение к самоубийству, тоже возникшее в античности: в ту эпоху особенно отличились в указанном отношении эпикурейцы и стоики [Сенека, 1977; Суицидология, 2001]. С их точки зрения (хорошо согласующейся с предложенной ценностно-функциональной моделью учения Гоббса о естественном состоянии как «вой-

не всех против всех»), самоубийство есть вполне *естественное* (т.е. не социальное, а выходящее за пределы социума, расторгающее так называемый «общественный договор») состояние: если война любого a с любым b есть *естественное* состояние, а для любых a и b , $W_2ab = + = T_2ab$, то в том частном («вырожденном») случае, когда a совпадает с b , Φ_2ab – «война всех против всех, т.е. объединение (войны всякого a со всяким b) и войны (всякого b со всяким a)», превращается в Φ_2bb , т.е. просто в «войну всех против самих себя», что эквивалентно всеобщему самоубийству, согласно следующей эквивалентности $\Phi_2bb = + = W_2bb = + = T_2bb = + = F_2Jbb$.

В новое время всесторонний собственно философский анализ религиозно-нравственных проблем самоубийства с точки зрения *эмпиризма* и *скептицизма* был осуществлен в эссе Д. Юма «О самоубийстве» [1996, с. 697–706]. Великий представитель эмпиризма и скептицизма писал:

«...Принадлежит ли самоубийство к такого рода поступкам и является ли оно нарушением нашего долга по отношению к нашим *ближним* и *обществу*. ...Я не обязан делать незначительное добро обществу за счет большого вреда для себя самого; почему же в таком случае следует мне продолжать жалкое существование из-за какой-то пустячной выгоды, которую общество могло бы, пожалуй, получить от меня? Если на основании преклонного возраста и болезненного состояния я могу с полным правом отказаться от какой-нибудь должности и посвятить все свое время борьбе с этими бедствиями, а также облегчению по мере возможности несчастий своей дальнейшей жизни, то почему же я не мог бы разом пресечь такие несчастья посредством поступка, который столь же безвреден для общества?»

Но предположите, что не в моих силах более служить интересам общества; предположите, что я ему в тягость; предположите, что моя жизнь мешает каким-нибудь лицам принести обществу гораздо большую пользу. В таких случаях мой отказ от жизни должен быть не только безвинным, но и похвальным. <...>

Некто замешан в заговоре во имя общего блага; он схвачен по подозрению; ему грозит пытка; и он знает, что из-за его слабости тайна будет исторгнута от него. Может ли такой человек лучше послужить общим интересам, чем поскорее покончив со своей несчастной жизнью? Так обстояло дело со славным и мужественным Строцци из Флоренции» [Юм, 1996, с. 704–705].

«Что самоубийство часто можно совместить с нашим интересом и нашим долгом по отношению к нам самим, в этом не может быть сомнения для кого-либо, кто признает, что возраст, болезнь или невзгоды могут превратить жизнь в бремя и сделать ее даже чем-то худшим, нежели самоуничтожение. Я убежден, что никто никогда не отказывался от жизни, пока ее стоит сохранять. Ибо так велик наш естественный ужас перед смертью, что незначительные мотивы никогда не будут в силах примирить нас с ней...» [Юм, 1996, с. 705–706].

По нашему мнению, согласно представленной выше системе *уточненных* определений основных понятий двузначной алгебраической модели метафизики как формальной аксиологии, эта математическая модель вполне адекватна тому интеллектуальному капиталу, который философия накопила за тысячелетия, как в отношении к абстрактной метафизике самосохранения и самоуничтожения

любых субстанций вообще, так и в отношении к конкретной проблеме этики самоубийства и воздержания от него в особенности.

Итак, согласно вышесказанному, из «суицида b в ответ на a » *формально-аксиологически* следует («вытекает») принципиальное несогласие b с (чем, кем) a и решительный протест b против a , т.е. сопротивление b (чему, кому) a . Это – «дедуктивный дискурс» на уровне практической деятельности («дедуктивная аргументация» на «языке практических действий»), использующий метод обоснования от противного путем формально-аксиологически последовательного сведения формально-аксиологически противного к формально-аксиологическому абсурду (самоуничтожению), т.е. формально-аксиологическому противоречию. Очевидно, что, строго говоря, речь здесь идет не о логике как таковой, а об ее удивительном *формально-этическом аналоге*, заслуживающем, на наш взгляд, внимания и систематического научного исследования *наряду* с формальной логикой, и в какой-то разумной (ограниченной) мере, *по аналогии* с ней.

Список литературы

- Айер А.** Язык, истина и логика. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010.
- Аквинский Ф.** Сумма теологии. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. Т. IV: Первая часть второй части. Вопросы 68–114.
- Аквинский Ф.** Сумма теологии. Киев: Ника-Центр; Эльга, 2013. Т. VIII: Вторая часть второй части. Вопросы 47–122.
- Аристотель.** Никомахова этика. Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 53–293.
- Бирюков Б. В., Борисова О. А., Левин В. И.** О вкладе В. И. Шестакова в создание логической теории релейных схем // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 83–92.
- Витгенштейн Л.** Дневники 1914–1916. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2009.
- Витгенштейн Л.** Логико-философский трактат. М.: Издательство иностранной литературы, 1958.
- Владимиров Д. А.** Булевы алгебры. М.: Наука, 1969.
- Гоббс Т.** О гражданине // Т. Гоббс. Избранные произведения в двух томах. М.: Мысль, 1965а. Т. 1. С. 277–409.
- Гоббс Т.** Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Т. Гоббс. Избранные произведения в двух томах. М.: Мысль, 1965б. Т. 2. С. 45–678.
- Дигесты Юстиниана.** Избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И.С. Перетерского. М.: Наука, 1984.
- Лейбниц Г.** Об универсальной науке, или философском исчислении // Г. Лейбниц. Сочинения в четырех томах. М.: Мысль, 1984. Т. 3. С. 494–500.
- Лобовиков В. О.** Модальная логика оценок и норм с точки зрения содержательной этики и права. Красноярск: Издательство Красноярского государственного университета, 1984.
- Лобовиков В. О.** Принцип композициональности в формально-аксиологической семантике естественного языка. Ценностные функции от конечного числа ценностных переменных в двузначной алгебраической системе формаль-

ной аксиологии как денотаты слов и сложных словосочетаний естественного языка культуры // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2015а. Т. 140, № 2. С. 84–97.

Лобовиков В. О. «Оцифровка» марксистской философии – новый метод постижения разрушительной сущности марксизма (дискретная математическая модель формально-аксиологического аспекта марксистского политико-экономического идеала и его равноценности самоуничтожению социума) // Социум и власть. 2015б. Т. 53, № 3. С. 130–134.

Лобовиков В. О. Логические противоречия и морально-правовые парадоксы на стыке наукометрии и этики научных публикаций (оксюмороны «самограбеж» и «самокража» в искусственной интеллектуальной системе, именуемой «Антиплагиат») // Сибирский философский журнал. 2023б. Т. 21, № 3. С. 5–19.

Локк Дж. Сочинения в трех томах. М.: Мысль, 1988. Т. 3.

Мальцев А. И. Алгебраические системы. М.: Наука, 1970.

Монтескье Ш. О духе законов. М.: Мысль, 1999.

Мур Дж. Принципы этики. М.: Прогресс, 1984.

Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998.

Сенека Л. Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука, 1977.

Суицидология: Прошлое и настоящее: Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах / Сост. А.Н. Моховиков. М.: Когито-Центр, 2001.

Шлик М. Вопросы этики. Логос. 2008. Т. 64, № 1. С. 188–206.

Эдмондс Д., Айдиноу Д. Кочерга Витгенштейна. История десятиминутного спора между двумя великими философами. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Юм Д. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1996. Т. 2.

Aquinas T. Summa Theologica: In 3 Vols. Benziger Brothers, 1947.

Augustine. The City of God // Great Books of the Western World. Vol. 16: Augustine / Ed. by Mortimer J. Adler. Encyclopedia Britannica, 1994. P. 165–696.

Béziau J.-Y. The Logical Hexagon of Analogy: Structuring the Relations between Difference, Identity and Similarity // Handbook of the First World Congress on Analogy (Benemérita Universidad Autónoma de Puebla, Puebla, Mexico, November 4–6, 2015) / Eds. by K. Gan-Krzywoszyńska, M. Leśniewska, P. Krzywoszyński, P. Leśniewski. Poznań: Publishing House KONTEXT, 2015. P. 12–13.

Lobovikov V. O. Formal Ethics and Non-Monotonic Politics. Of Public Power and Private Property // Ethics – Society – Politics. Papers of the 35th International Wittgenstein Symposium (August 5–11, 2012, Kirchberg am Wechsel, Lower Austria) / Eds. by Martin G. Weiss, Hajo Greif. Kirchberg am Wechsel: Austrian Ludwig Wittgenstein Society, 2012. P. 179–181.

Lobovikov V. O. Leibniz's Motto "Calculemus!" and Its Significance for Developing the Natural Law Theory as a Consistent System of Universal Values Uniting All Possible Rational Persons // "Für unser Glück oder das Glück anderer" Volträge des X. Internationalen Leibniz-Kongresses (Hannover, 18–23 Juli 2016) / Heraus-

- gegeben von Wencho Li und andere. Zürich: Georg Olms Verlag, 2016. Band I. P. 541–550.
- Lobovikov V. O.** A Wonderful Analogy between Augustine's Definition of Moral-Value-Functional Sense of Response-Action and Philo's Definition of Truth-Functional Sense of Implication in Logic // CIENCIA ergo-sum. 2020. Vol. 27, № 3. P. 1–14.
- Lobovikov V. O.** Natural Legal Law as Mathematics of Freedom (Four Mathematically Different Moral-Legal-Value-Functions "Freedom" and Four Ones "Slavery" Defined Precisely in Two-Valued Algebra of Formal Axiology of Ethics and Jurisprudence) // Antinomies. 2022a. Vol. 22, № 1. P. 65–90.
- Lobovikov V. O.** Artificial Intelligence and an almost Unknown Aspect of Mathematical Linguistics // Discourse-P. 2022b. Vol. 19, № 3. P. 170–184.
- Lobovikov V. O.** Analytic philosophy of natural language of jurisprudence, ethics, and theology (Four mathematically different formal-axiological meanings of "law" and four ones of "power") // Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023a. Vol. 71, № 1. P. 59–67.
- Russell B.** Is there an Absolute Good? // Russel: The Journal of Bertrand Russell Studies. 1986. Vol. 6, № 2. P. 144–149.
- Spengler O.** The Decline of the West. Vol. 2: Perspectives of the World History. New York: Alfred A. Knopf. Inc., 1928.
- Whitehead A.** Mathematics and the Good // The philosophy of Alfred North Whitehead / Ed. by Paul Arthur Schilpp. Chicago: Northwestern University Press, 1941. P. 666–681.

References

- Aquinas T.** Summa Theologica: In 3 Vols. Benziger Brothers, 1947.
- Aquinas T.** Summa Theologica. Moscow: Publishing house "LIBROCOM", 2012. Vol. IV: The First Part of the Second Part. Questions 68–114. (In Russian)
- Aquinas T.** Summa Theologica. Kiev: Nika-Centr; El'ga, 2013. Vol. VIII: The Second Part of the Second Part. Questions 47–122. (In Russian)
- Aristotle.** Nicomachean Ethics // Aristotle Writings in Four Volumes. Moscow: Mysl', 1984. Vol. 4. P. 53–293. (In Russian)
- Augustine.** The City of God // Great Books of the Western World. Vol. 16: Augustine / Ed. by Mortimer J. Adler. Encyclopedia Britannica, 1994. P. 165–696.
- Ayer A.** Language, Truth, and Logic. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitaciya», 2010. (In Russian)
- Béziau J.-Y.** The Logical Hexagon of Analogy: Structuring the Relations between Difference, Identity and Similarity // Handbook of the First World Congress on Analogy (Benemérita Universidad Autónoma de Puebla, Puebla, Mexico, November 4–6, 2015) / Eds. by K. Gan-Krzywoszyńska, M. Leśniewska, P. Krzywoszyński, P. Leśniewski. Poznań: Publishing House KONTEXT, 2015. P. 12–13.
- Biryukov B. V., Borisova O. A., Levin V. I.** About V. I. Shestakov's Contribution to the Creation of the Logic Theory of Relay Circuits // Philosophy Questions. 2009. No. 3. P. 83–92. (In Russian)
- Edmonds D., Eidinow J.** Wittgenstein's poker: the story of a ten-minute argument between two great philosophers. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. (In Russian)

- Hobbes T.** On the Citizen // T. Hobbes. Selected Works in Two Volumes. Moscow: Mysl', 1965a. Vol. 1. P. 277–409. (In Russian)
- Hobbes T.** Leviathan, or the Matter, Form, and Power of a Common-Wealth Ecclesiastical and Civil // T. Hobbes. Selected Works in Two Volumes. Moscow: Mysl', 1965b. Vol. 2. P. 45–678. (In Russian)
- Hume D.** Writings in two volumes. Moscow: Mysl', 1996. Vol. 2. (In Russian)
- Justinian's Digests.** Selected Fragments / Translated and commented by I.S. Peretersky. Moscow: Nauka, 1984. (In Russian)
- Leibniz G.** Of Universal Science, or Philosophy Calculus // G.W. Leibniz. Writings in Four Volumes. Moscow: Mysl', 1984. Vol. 3. P. 494–500. (In Russian)
- Lobovikov V. O.** Modal Logic of Evaluations and of Norms from the Viewpoint of Content Ethics and Law. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta, 1984. (In Russian)
- Lobovikov V. O.** Formal Ethics and Non-Monotonic Politics. Of Public Power and Private Property // Ethics–Society–Politics. Papers of the 35th International Wittgenstein Symposium (August 5–11, 2012, Kirchberg am Wechsel, Lower Austria) / Eds. by Martin G. Weiss, Hajo Greif. Kirchberg am Wechsel: Austrian Ludwig Wittgenstein Society, 2012. P. 179–181.
- Lobovikov V. O.** The Principle of Compositionality in a Formal-Axiological Semantics of Natural Language (Evaluation-Functions Determined by a Finite Number of Evaluation-Variables as Meanings of Words and Complex Word-Combinations in Natural Language of Culture) // Izvestiya of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences. 2015a. Vol. 140. No. 2. P. 84–97. (In Russian).
- Lobovikov V. O.** “Digitalizing” Marxist Philosophy – a New Method of Understanding the Destructive Essence of Marxism (a Discrete Mathematical Model of Formal-Axiological Aspect of Marxist Political-Economy Ideal and of Its Equivalence to Self-Annihilation of Socium) // Socium and Power. 2015b. Vol. 53. No. 3. P. 130–134. (In Russian)
- Lobovikov V. O.** Leibniz's Motto “Calculus!” and Its Significance for Developing the Natural Law Theory as a Consistent System of Universal Values Uniting All Possible Rational Persons // “Für unser Glück oder das Glück anderer” Volträge des X. Internationalen Leibniz-Kongresses (Hannover, 18–23 Juli 2016) / Herausgegeben von Wenchao Li und ander. Zürich: Georg Olms Verlag, 2016. Band I. P. 541–550.
- Lobovikov V. O.** A Wonderful Analogy between Augustine's Definition of Moral-Value-Functional Sense of Response-Action and Philo's Definition of Truth-Functional Sense of Implication in Logic // CIENCIA ergo-sum. 2020. Vol. 27. No. 3. P. 1–14.
- Lobovikov V. O.** Natural Legal Law as Mathematics of Freedom (Four Mathematically Different Moral-Legal-Value-Functions “Freedom” and Four Ones “Slavery” Defined Precisely in Two-Valued Algebra of Formal Axiology of Ethics and Jurisprudence) // Antinomies. 2022a. Vol. 22. No. 1. P. 65–90.
- Lobovikov V. O.** Artificial Intelligence and an almost Unknown Aspect of Mathematical Linguistics // Discourse-P. 2022b. Vol. 19. No. 3. P. 170–184.
- Lobovikov V. O.** Analytic philosophy of natural language of jurisprudence, ethics, and theology (Four mathematically different formal-axiological meanings of “law” and

- four ones of “power”) // Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023a. Vol. 71. No. 1. P. 59–67.
- Lobovikov V. O.** Logical Contradictions and Moral-legal Paradoxes at the Intersection of Scientometrics and Ethics of Scientific Publications (Oxymorons “Self-Pillage” and “Self-Theft” in the AI-System Called “Anti-Plagiarism”) // Siberian Journal of Philosophy. 2023b. Vol. 21. No. 3. P. 5–19. (In Russian)
- Locke J.** Writings in three volumes. Moscow: Mysl', 1988. Vol. 3. (In Russian)
- Maltsev A. I.** Algebraic Systems. Moscow: Nauka, 1970. (In Russian)
- Montesquieu C.** The Spirit of Laws. Moscow: Mysl', 1999. (In Russian)
- Moore G.** Principia Ethica. Moscow: Progress, 1984. (In Russian)
- Popper K.** Logic and Growth of Scientific Knowledge. Moscow: Progress, 1983. (In Russian)
- Rousseau J.-J.** On the Social Contract. Treatises. Moscow: KANON-press; Kuchkovo pole, 1998. (In Russian)
- Russell B.** Is there an Absolute Good? // Russel: The Journal of Bertrand Russell Studies. 1986. Vol. 6. No. 2. P. 144–149.
- Schlick M.** Problems of Ethics // Logos. 2008. Vol. 64. No. 1. P. 188–206. (In Russian)
- Seneca L.** Epistulae Morales ad Lucilium. Moscow: Nauka, 1977. (In Russian)
- Spengler O.** The Decline of the West. Vol. 2: Perspectives of the World History. New York: Alfred A. Knopf. Inc., 1928.
- Suicidology:** Past and Present: Suicide Problem in Writings by Philosophers, Sociologists, Psychotherapists, and in Fiction Texts / Ed. by A.N. Mokhovikov. Moscow: Kogito-Centr, 2001. (In Russian).
- Vladimirov D. A.** Boolean Algebras. Moscow: Nauka, 1969. (In Russian)
- Whitehead A. N.** Mathematics and the Good // The philosophy of Alfred North Whitehead / Ed. by Paul Arthur Schilpp. Chicago: Northwestern University Press, 1941. P. 666–681.
- Wittgenstein L.** Diaries 1914–1916. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitaciya», 2009. (In Russian)
- Wittgenstein L.** Tractatus Logico-Philosophicus. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1958. (In Russian)

Информация об авторе

Владимир Олегович Лобовиков, доктор философских наук, профессор
главный научный сотрудник отдела права Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

Information about the author

Vladimir O. Lobovikov, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor
Principal Researcher of the Department of Law of the Institute of Philosophy and
Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

*Статья поступила в редколлегию 08.07.2024;
одобрена после рецензирования 29.07.2024; принята к публикации 29.07.2024*

*The article was submitted 08.07.2024;
approved after reviewing 29.07.2024; accepted for publication 29.07.2024*